
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК № 39 (1476) 25 СЕНТЯБРЯ 1955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

На Московском ордена Ленина электроламповом заводе, как и на всех предприятиях страны, в самом зарождении шестого пятилетнего плана участвуют те, кто призван его выполнять. Администрация завода сделала только черновую «прикидку» новой пятилетней программы. После обсуждения на бригадных, цеховых, партийных собраниях сотни полученных там предложений, поправок и уточнений сверстаны в новый, чистовой проект пятилетнего плана.

...Цех кинескопов. В первый же год новой пятилетки здесь начнется массовое производство невиданных по величине телевизионных трубок. Сейчас самый большой телевизор — «Темп» — имеет трубку-экран диаметром в 41 сантиметр. До обсуждения плана новой пятилетки предполагалось перейти с круглых кинескопов на более эффективные, прямоугольные экраны и увеличить их размер до 53 сантиметров по диагонали. Но группа инженеров цеха — Киселев, Барановский, Малышева, Абрамов — внесла предложение: увеличить этот размер до 68 сантиметров.

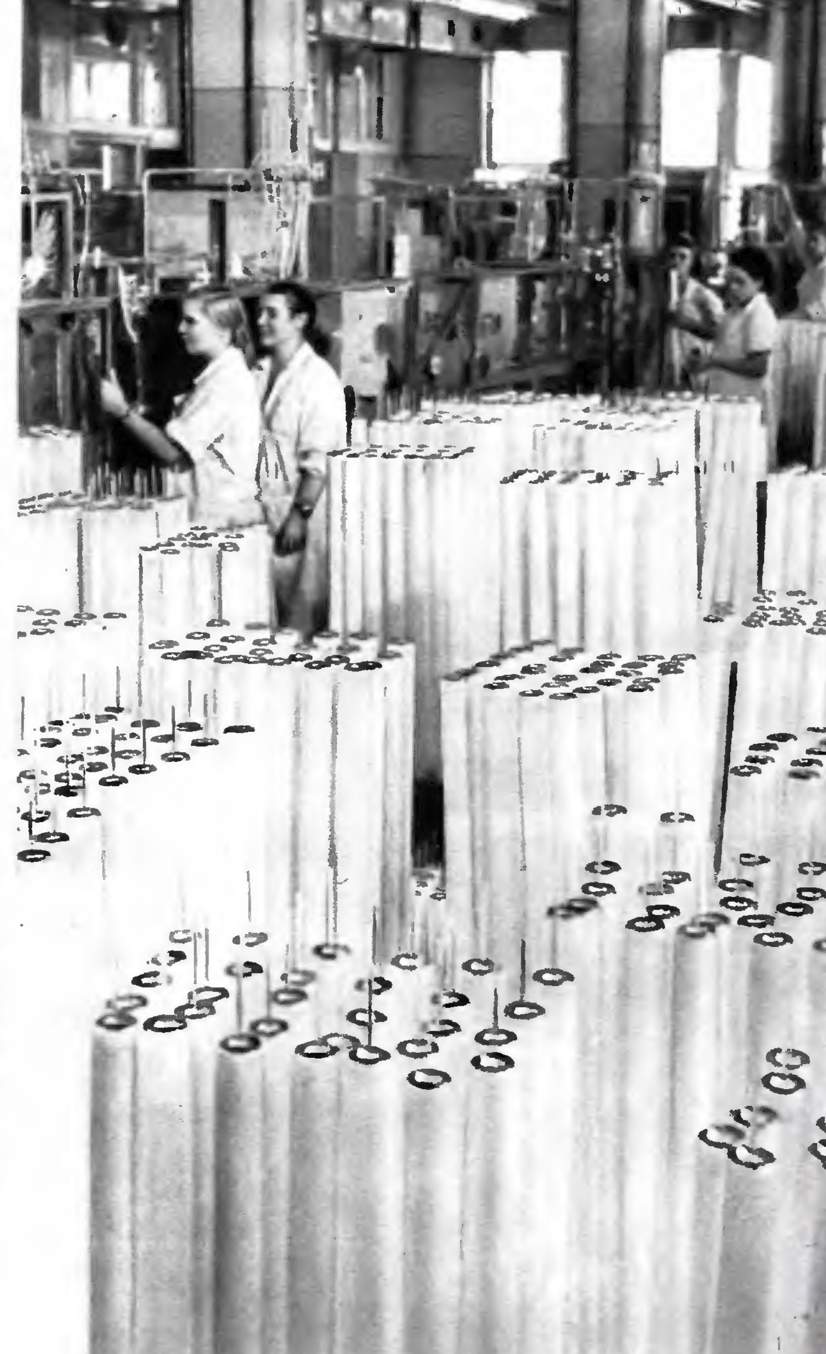
В 1957 году цех начнет массовый выпуск трубок для цветного телевидения. Для этого потребуется все новое, даже воздух: он должен быть абсолютно чистый, кондиционированный. Как решить верней эту задачу? Как механизировать работу с тяжелыми трубками весом до 15 килограммов? Десятки предложений были вынесены при обсуждении этого раздела пятилетнего плана.

Если в цехе кинескопов решают, как лучше управиться с будущими великанами-трубками, то в радиоламповом цехе искали способов обращения с новыми радиолампами, которые здесь называют «сверхминиатюрными». Как ускорить ювелирную работу по сборке ламп-малюток? На бригадных собраниях работницы Одаховская, Мусина, Колесова, Князева, Чернова внесли предложения, позволившие изменить предварительные наметки плана.

Много новшеств будет в цехе люминесцентных ламп. В нашей стране созданы совершенные лампы дневного света, которые в два — три раза экономичней обычных ламп накаливания. Но выпуск их недопустимо отстает. В шестой пятилетке надо ликвидировать это отставание. Коллектив цеха решил не только втрое увеличить выпуск ламп дневного света, но и улучшить их, упростить, сделать более мощными.

Втрое увеличить к концу 1960 года общий выпуск продукции — так решают электроламповцы. И достичь это с меньшим числом рабочих.

Из больших и малых предложений рождается план шестой пятилетки, реальность которого проверяется разумом всего коллектива, умеющего видеть все возможности, все резервы своего завода.

→ В цехе люминесцентных ламп. Его коллектив решил в шестой пятилетке втрое увеличить выпуск продукции.

Фото И. Тункелы.

В Батумском порту. Налив нефти в танкер.

Фото Я. Берлинера

[illegible] странице обложки. Илие Константин, самый молодой монтажник на строи[illegible] бината имени Г. Георгиу-Дежа в Хунедоаре (Румынская Народная Респуб[illegible]

Фото А. [illegible]

После подписания Протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 апреля 1948 года и Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд для военно-морской базы и выводе советских вооруженных сил с этой территории.

Фото А. Гостева.

Президент Финляндской Республики господин Ю. К. Паасикиви во время обеда, данного им в честь руководителей Советского государства, вручает К. Е. Ворошилову Большой Крест ордена «Белой Розы Финляндии» с золотой цепью.

На приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в честь Президента Финляндской Республики г-на Ю. К. Паасикиви. На снимке: Ю. К. Паасикиви и К. Е. Ворошилов в Большом Кремлевском Дворце.

НА БЛАГО

Прошедшая неделя изобиловала событиями чрезвычайного международного значения, приковавшими внимание всего мира к столице нашей Родины. В эти исторические дни в Москве происходили переговоры между СССР и Финляндской Республикой, СССР и Германской Демократической Республикой.

В результате обмена мнениями между Президентом Финляндской Республики и сопровождавшими его лицами, с одной стороны, и руководящими деятелями Советского Союза, с другой стороны, были выработаны и 19 сентября подписаны документы большой важности, которые послужат делу дальнейшего укрепления дружественных связей и взаимного доверия между Финляндией и Советским Союзом на благо и счастье народов этих стран.

Днем позже, 20 сентября, после переговоров между Правительственными делегациями

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев беседуют с Премьер-Министром Финляндии У. К. Кекконеном во время обеда у Президента

После подписания Договора об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой в Кремле 20 сентября 1955 года.

Фото А. Новикова.

НАРОДОВ

СССР и ГДР состоялись подписание Договора об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой, а также обмен письмами между Заместителем Министра Иностранных Дел СССР В. А. Зориным и Министром Иностранных Дел ГДР Лотаром Больцем. Этот день вошел в историю отношений двух государств, в которых власть принадлежит народу, как пример бескорыстной дружбы в целях благополучия и спокойствия народов.

Советские люди и передовое общественное мнение всего мира, с пристальным вниманием следившие за переговорами в Москве, испытывают законное удовлетворение успехами миролюбивой внешней политики Советского государства.

Находившиеся у памятника Зое Космодемьянской экскурсанты — студенты МГУ тепло встретили членов Правительственной делегации ГДР.

Ю. К. Паасикиви, Вальтер Ульбрихт и Отто Гротеволь во время приема у Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в честь Президента Финляндской Республики.

Во время пребывания в Москве Правительственная делегация ГДР возложила венок к памятнику Зое Космодемьянской недалеко от села Петрищево. На снимке. О. Гротеволь, В. Ульбрихт и другие у памятника Зое.

В минувшее воскресенье Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев посетил выставку «10 лет народно-демократической Чехословакии». Товарища Н. С. Хрущева встречали Чрезвычайный и Полномочный Посол Чехословацкой Республики Я. Вошаглик, директор выставки И. Тауфер, сотрудники чехословацкого посольства и работники выставки.

Фото А. Новикова.

21 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев приняли в Кремле находящуюся в Советском Союзе делегацию японских парламентариев. На снимке: Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев беседуют с членами японской парламентской делегации.

Делегация бельгийских парламентариев, возглавляемая председателем палаты депутатов К. Гюйсмансом, побывала в Латвии.

На снимке: члены парламента Бельгии в колхозе «Марюпе», Рижского района.

Фото Е. Ясенова (ТАСС).

Прибывшая в СССР парламентская делегация Франции во главе с Председателем Национального собрания Пьером Шнейтером осмотрела Московский метрополитен.

На снимке: глава делегации Пьер Шнейтер и члены делегации фотографируются с юным москвичом на станции «Курская-кольцевая».

Фото А. Стужина (ТАСС).

ГЕРОЙ ШИПКИ — В БОЛГАРИИ

Жители болгарского села Шеиново встречают К. В. Хруцкого.

Как известно, советский гражданин Константин Викентьевич Хруцкий, которому недавно исполнилось сто лет, был награжден высшей наградой Народной Республики Болгарии — орденом Георгия Димитрова — за участие в освободительной войне в 1877—1878 годах.

Константин Викентьевич недавно навестил своих болгарских друзей.

В МЕСТАХ, ГДЕ СРАЖАЛСЯ ЯН НАЛЕПКА

Михаил и Мария Налепковы в Житомире.

Фото З. Тулеса.

В ноябре 1943 года партизанское соединение освобождало город Овруч. Отряду Яна Налепка было приказано взять вокзал. Это был последний бой партизана. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил славному сыну чехословацкого народа звание Героя Советского Союза.

Далеко от Овруча село Спаска Нова. Лежит оно у подножия горного хребта Татр. Там живут родители Яна — сельские труженики Михаил Налепка и Мария Налепкова. У них большая семья — 6 детей, 14 внуков.

Славянский комитет СССР пригласил Налепковых посетить Советский Союз, побывать в тех местах, где сражался их сын, ставший национальным героем Чехословакии.

Налепковы побывали в Москве, в селах и городах Украины и Белоруссии, где воевал их сын, встречались с бывшими партизанами.

В. ШУМОВ

МАЛЕНЬКИЙ УЧИТЕЛЬ

Густую и тяжелую воду в канале Сюйчжоу можно увидеть только на самой его середине. У берегов нескончаемой цепью стоят большие и маленькие лодки; тесно прижавшись друг к другу, они образуют сплошной деревянный настил над водой.

На лодках этих не только перевозят грузы, ловят рыбу: на них живут. Под брезентовым навесом на маленькой печурке готовится обед, на носу мирно дремлет собака, изредка раздается петушиный крик или кудахтанье кур. Полотняные или плетенные из пальмового волокна паруса спущены и накрепко перевязаны веревкой. На некоторых лодках от мачты на корму протянута проволока. К свободно бегающему по ней кольцу привязана бечева, кончающаяся шлейкой. Шлейка надета на какого-нибудь карапуза, настолько круглого и толстого, что эта предосторожность кажется лишней: упади он в воду,— все равно не потонет. Именно здесь, на канале Сюйчжоу, возле реки Хуанпу, на которой стоит Шанхай, мы увидели Цао А-пына. Вернее, вначале услышали трели свистка, а уж потом увидели самого Цао, укреплявшего над брезентовым навесом небольшой яркокрасный флажок. Со всех сторон к нему направлялись старые и молодые сампанщики с толстыми тетрадками в руках. Укрепив флажок, Цао еще раз свистнул и затем стал устанавливать на столике посреди лодки черную грифельную доску. Человек двадцать село вокруг него, кто на низенькие скамеечки, кто на борт лодки, кто просто на пол.

— Это маленький учитель Цао А-пын,— объяснили нам.— Каждого желающего он обучает иероглифам.

То, что Цао — один из лучших маленьких учителей Шанхая,— это знают все сампанщики Хуанпу. А вот как когда-то совершенно неграмотный Цао, которому в этом году исполнилось 50 лет, стал учителем, знают немногие. Случилось это для него самого весьма неожиданно.

Однажды вечером — это было в октябре 1952 года — Цао пошел в «культурную чайную». В ту самую «культурную чайную», которая недавно открылась в районном клубе профсоюза сампанщиков. Просто так пошел, без всякой определенной цели: сыграть партию — другую в шашки, попить чаю (он в клубе какой-то особенно вкусный, наверно, потому, что они кладут туда цветок мали) и поговорить о том, о сем со старым Кан Фу-ченом.

В чайной было человек десять или, может быть, чуть больше. Все сидели на стульях и смотрели на стену, не на ту, на которой висит вымпел футбольной команды, а на ту, где карикатура на Чан Кайши. К стене прикреплена большая черная доска. Какой-то незнакомый человек около доски говорит: «Сегодня я вам раздам все, что нужно». Он стал ходить по комнате и давать каждому небольшую грифельную доску, красный треугольный флажок на палочке, свисток и мел. Последним сидел Цао. Он немного удивился, когда незнакомец протянул ему все это, но потом подумал: «Будет невежливо, если я откажусь: можно незаслуженно обидеть человека». И Цао взял доску, флажок, маленький свисток и кусочек мела. Подражая другим, он положил доску к себе на колени, а мелок взял в правую руку.

— Итак,— продолжал человек, подходя к большой доске,— прошлый раз мы с вами выучили шесть иероглифов. Теперь составим из них фразу.

Он ловко и быстро написал на своей доске шесть иероглифов подряд.

— Это означает «Та Цин идет на работу». Ну, а теперь пусть каждый напишет это на своей доске.

Преподаватель подошел к Цао и спросил:

— А вы что же, забыли? Останьтесь после занятий, я с вами отдельно выучу.

Цао хотел было объяснить, что он вовсе не был в прошлый раз, что он здесь случайно, но решил, что невежливо перебивать преподавателя. А тот говорил, обращаясь ко всем:

— Итак, вы будете маленькими учителями. В свободное время вечером или в обеденный перерыв подъезжайте на своем сампане туда, где больше народу, вывешивайте флажок, свистите в свисток, чтобы вас заметили, созывайте учеников. Когда соберется человек десять, объясните им те иероглифы, которые сами знаете, и предупреждайте, что они должны обучить этим иероглифам всех своих родственников и знакомых. Так постепенно очень многие выучатся читать и писать. А здесь мы каждый день будем учить один — два иероглифа.

Цао слушал с большим вниманием. Все ему очень понравилось.

После занятий он обо всем рассказал учителю. Тот долго смеялся, а потом спросил:

— Ну так как же, будете маленьким учителем?

— Пожалуй, буду, — ответил сампанщик, и они приступили к изучению первых иероглифов.

До поздней ночи просидели они вдвоем в чайной, пока Цао не научился писать «Та Цин идет на работу». Ночью он спал беспокойно, ему снился этот самый Та Цин. У Та Цина было веселое, хитрое лицо. Он насмешливо подмигивал Цао и говорил: «А я не пойду на работу! А я не пойду на работу!» Цао проснулся с головной болью.

В обеденный перерыв он не решился вывесить флажок, вечером тоже не решился. Только на другой день он собрал небольшую группу соседей и впервые в жизни сделался учителем...

Сейчас Цао знает больше тысячи иероглифов и считается одним из лучших маленьких учителей среди лодочников Хуанпу. Он с грустной улыбкой вспоминает то время, когда, как и 80 процентов всех сампанщиков, не мог прочесть даже вывески. Это было до освобождения. В чайную на урок он уже ходит не каждый день, а лишь когда увидит в газете или книге незнакомый иероглиф. Но таких иероглифов становится все меньше и меньше.

Г. БОРОВИК

Маленький учитель дает урок (Цао А-пын стоит около доски с мелком в руке).

Фото Дм. Бальтерманца

НА БЕРЕГУ МАРИЦЫ

Со всех холмов Пловдива видна река — легендарная фракийская красавица Марица. Параллельно ей текут живые людские потоки, они направляются на северный берег Марицы. Там XVI международная ярмарка!

У широкого входа на территорию ярмарки меня увлекает людской водоворот.

Огромный башенный кран протянул над толпой тяжелый рельс с белой надписью: «Польша». Чехословаки поражают, как всегда, количественным и качественным ростом своей техники. Восторгает изящество экспонатов разместившегося под одной крышей с венграми павильона Демократической Республики Вьетнам.

Германская Демократическая Республика экспонирует новое типографское и металлорежущее оборудование, легковые и грузовые автомашины.

Сорокашестиметровая башня со шпилем и звездой. Высокие колонны... Это советский павильон.

Присев за изящный столик, раскрывает книгу отзывов посетителей какой-то скромно одетый иностранец. «4 сентября 1955 года,— старательно выводит его рука.— Выставка СССР чудесна, никогда не поверил бы в возможность столь удивительного прогресса... Александр Гемси, докер. Лондон — Е-1...»

О китайском павильоне можно было бы сказать словами болгарского труженика Сапунова: «Они шагают через столетия!..»

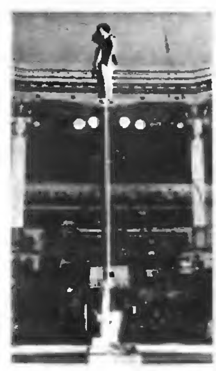
В многочисленных павильонах представлена новая Болгария. Три большие вывески: «Тяжелая промышленность», «Заготовка и обработка сельскохозяйственных культур» и «Легкая промышленность». Вот новое лицо нашей экономики! Запоминающаяся цифра: если принять уровень металлургического производства Болгарии в 1944 году за 100, то в 1955 году он будет равен 17 749!..

В небольшой город Пловдив привезли свои товары десятки фирм Западной Европы. Французские грузовики и землеройные машины, итальянские мотоциклы и велосипеды, парижские моды, швейцарские часы, образцы техники из Западной Германии.

Пловдив походит в эти дни и на Будапешт, и на Варшаву, и на Прагу. Он поражает морем света и праздничным весельем именно потому, что демонстрирует дух дружбы между народами, их горячее стремление к мирной жизни.

Василь ПОПОВ,
болгарский журналист.

НА МАНЕЖЕ ЦИРКА

Артисты болгарского цирка Юлиевы — гимнасты с першами.

В этом году летний цирковой сезон в Москве был на редкость интересным и разнообразным. С большим успехом прошли гастроли артистов цирков Германской Демократической Республики, Китайской Народной Республики, Монгольской Народной Республики. А сейчас завершают гастроли представители циркового искусства Польши и Болгарии, выступающие в содружестве с советскими мастерами.

Второй раз приезжают к нам артисты из Китая; многих из них мы уже видели в Москве. Их искусство еще выросло, стало более совершенным. Приятно отметить, что группа артистов китайского цирка пополнилась талантливой молодежью. Национальная самобытность и своеобразие, виртуозная точность исполнения, мастерство и артистизм — отличительные черты китайских артистов. Особенно восхитили зрителей замечательный фокусник Ян Сяо-тинь, велофигуристы во главе с Цзинь Е-цинем, силовой жонглер Хао Шу-ван и другие. То, что все их номера пронизаны добродушным юмором, делает выступления китайских артистов еще более обаятельными.

В эти дни в Московском цирке выступают артисты Польши. Четко и изящно работают молодые польские роликобежцы Гершман и Пласкоец, исполняющие серию сложных трюков, хотя, быть может, артистам следовало бы больше разнообразить свой номер. Гибок и пластичен хорошо владеющий своим телом акробат Михаил Мозес — «каучук», «эластичный человек»,— выполняющий сложные комбинации. Смелые и трудные трюки показали три воздушных гимнаста Мадея под куполом цирка. Особенно сложен номер с зубником, когда две артистки висят по краям трапеции, вращаемые своим партнером, проделывая гимнастические эволюции в воздухе.

В хорошей спортивной форме выступают четыре турниста — артисты Барлей. Привлекают внимание жонглеры-антиподисты: Браун, перекидывающие ногами разнообразные предметы, и артист Аурели, работающий с мячами, палочками, стеклянными плафонами.

Болгарский цирк в программе представляют артисты Сашо и Доринка Юлиевы, работающие с першами. Красивая, атлетическая фигура Сашо Юлиева позволяет ему, держа на плечах шест с партнершей наверху, выполнять трудные трюки.

Артисты польского цирка — роликобежцы Гершман и Пласкоец.

Фото Е. Умнова.

В содружестве с иностранными артистами выступают и мастера советского цирка. Иностранные и советские артисты объединили свое искусство в большой и интересной программе.

Артисты китайского цирка — балансеры на стульях.

Фото Н. Ситникова (ТАСС).

Н все эти дни в Московском цирке — и за его кулисами, где дорогих гостей любовно встречают советские артисты, и особенно на зрительских местах — царит сердечная атмосфера уважения и дружбы, восхищения чудесным мастерством представителей зарубежного циркового искусства.

Борис ЭДЕР,
народный артист РСФСР.

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ ФУТБОЛИСТОВ СССР И ВЕНГРИИ

Ровно год назад московские и будапештские любители футбола одновременно были свидетелями интересной борьбы сборных футбольных команд СССР и Венгрии. В Москве встречались первые сборные команды, в Будапеште — вторые. В матче первых сборных был зафиксирован ничейный результат (1 : 1), а в состязании вторых команд победили советские футболисты (3 : 0).

25 сентября спортивный спор футболистов деух стран продолжится. Теперь первые сборные выступают в Будапеште, а вторые — в Москве.

Несколько дней назад мы связались с Будапештом по телефону, вызвав редакцию венгерской спортивной газеты «Нэпшпорт». Узнав, что мы интересуемся футболом, к аппарату сразу подошло несколько человек.

— Наш народ с нетерпением ждет матча,— говорит один из сотрудников редакции.— Ни одно состязание за последние несколько лет не вызывало в Будапеште такого огромного интереса. Мы уверены, что это будет большой футбол!

— Как подготовлена венгерская команда? — спрашиваем мы.

— О, отлично! — И наш собеседник начинает пояснять: — Пушкаш в прекрасной форме! Очень хорош Божик. Кочиш тоже в ударе. Превосходно играет молодой нападающий Махош!..

Особых успехов венгерский футбол добился в послевоенное время. Начиная с 1945 года сборная Венгрии провела 78 официальных встреч; 61 матч закончился победой венгерских футболистов, 9 дали ничейный результат, и только в восьми состязаниях венгры потерпели поражение. Соотношение мячей в этих 78 матчах — 331 — 105 в пользу команды Венгрии.

Вторая сборная Венгрии — также очень опасный противник. В этой команде играет ряд сильных, опытных футболистов: вратарь Олах, защитники Калмар, Шароши, нападающие М. Тот, Силади, Чордаш, выступающие за лучшие венгерские команды «Вереш Лобого», «Вашаш» и другие.

В. ФРОЛОВ

УСПЕХ СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОВ НА ТУРНИРЕ В ГЕТЕБОРГЕ

13 СЕНТЯБРЯ.

В каждом шахматном турнире, естественно, спортивный интерес вызывает вопрос, кто будет первым. Соревнование в Гетеборге — один из тех турниров, в котором почти не было борьбы за первое место.

Д. Бронштейн в первой половине соревнования дал несколько превосходных партий и обогнал на полтора очка П. Кереса, имевшего некоторые надежды догнать лидера.

Началась последняя неделя утомительного турнира, она должна дать ответ на вопрос, кто же попадет в девятку и будет играть в турнире претендентов на матч с чемпионом мира. Особенно напряженна борьба за 8-е и 9-е места. Сегодня, после 17-го тура, вновь появились шансы у М. Найдорфа, зато они ухудшились у его противника Г. Иливицкого.

14—15 СЕНТЯБРЯ.

Д. Бронштейн и М. Найдорф играли свою партию всего около часа. Но за это время оба гроссмейстера успели по два раза отклонить ничью. Когда перемирие было заключено, оба гроссмейстера при анализе партии доказывали друг другу, что именно его позиция была сильна.

— Я согласился на ничью только потому, что вы Бронштейн,— заявил М. Найдорф, который беспокоится за свое явно неудовлетворительное турнирное положение.

Финальное наступление начал Б. Спасский. Ему удалось нанести поражение «чехословацкому Петросяну» — М. Филипу, очень крепкому «орешку».

Победа чемпиона СССР Е. Геллера над А. Фудерером — одна из красивейших партий турнира. Досадную ошибку допустил Г. Иливицкий против К. Гимара. Иливицкому, очевидно, надоели ничьи, и он отказался от повторения ходов. Но на этот раз напрасно: именно в этой партии надо было примириться с ничьей, так как никаких шансов на выигрыш не было.

П. Керес пытался догнать Д. Бронштейна и играл излишне остро. Г. Штальберг активно защищался и третий раз в этом турнире дал возможность шведским болельщикам высказать свой восторг в связи с победой популярного гроссмейстера.

— Теперь я вас могу поздравить с победой в турнире,— обращается руководитель нашей делегации А. Котов к Д. Бронштейну.

— Спасибо, но, к сожалению, ваш рекорд в зональном турнире — 16,5 очка — я уже побить не могу,— отвечает Д. Бронштейн.

16 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня чемпион мира среди юношей, Б. Спасский, «гроссмейстерской игрой» переиграл старейшего участника турнира — Г. Штальберга.

В. Унцикер, А. Медина, а главное, фортуна помогли П. Кересу и О. Панно, которые ведут борьбу за второе место в турнире, приобрести по одному очку. Не в обиде на своего противника Х. Доннера венгерский гроссмейстер Л. Сабо: Доннер в хорошей позиции зевнул мат в три хода.

18 СЕНТЯБРЯ.

Гроссмейстер Д. Бронштейн, победитель межзонального шахматного турнира в Гетеборге.

На предпоследнем туре присутствовало рекордное количество зрителей, среди них — экс-чемпион мира доктор М. Эйве, который прилетел на днях из Южной Африки. Экс-чемпион мира дал высокую оценку спортивному и особенно творческому успеху победителя турнира Д. Бронштейна. «Только А. Алехин расправлялся со своими противниками так строго, как это теперь делает Бронштейн»,— комментирует доктор Эйве. Сильное впечатление произвели на него также некоторые партии Е. Геллера, П. Кереса, Б. Спасского, А. Фудерера.

Доктор Эйве говорит, что турнир претендентов на матч с М. Ботвинником уже почти обеспечен в материальном отношении, и он состоится весной 1956 года в Амстердаме.

Желательно, чтобы у шахматиста была хорошая память, иначе с ним может произойти такая же неприятность, как с польским мастером Б. Сливой. Неделю назад Слива в партии против В. Унцикера допустил ошибку, а сегодня, к общему удивлению, в партии с П. Кересом он повторил эту же ошибку и, конечно, опять проиграл. Разыгравшийся к концу соревнования чемпион СССР Е. Геллер легко выиграл у Г. Штальберга.

19 СЕНТЯБРЯ.

На доигрывание пришли фоторепортеры, чтобы заснять момент, когда Д. Бронштейн уже формально обеспечит себе первое место в турнире. Ждать им пришлось недолго. Сделав несколько ходов, А. Фудерер сдался, у Бронштейна стало 14,5 очка — он стал недосягаем для своих конкурентов. Главный судья и участники турнира поздравляют Д. Бронштейна с великолепной победой.

В вечерних газетах успели дать фотоснимки и беседы с победителем турнира. Некоторые газеты напечатали фотографии Д. Бронштейна с А. Котовым — победителем трех международных турниров в Швеции.

21 СЕНТЯБРЯ.

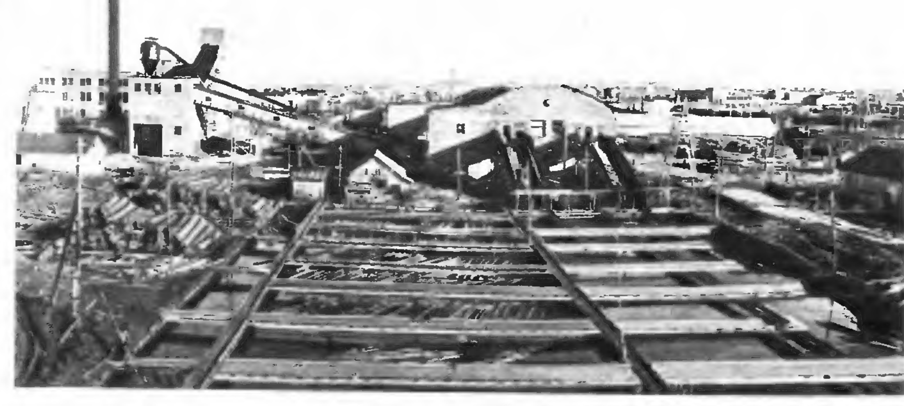
Сыгран последний тур. В итоге многодневных, напряженных боев в девятку победителей попали пять советских участников: Д. Бронштейн, П. Керес, Е. Геллер, Т. Петросян и Б. Спасский, которому присвоено звание международного гроссмейстера; он самый молодой гроссмейстер в истории шахмат.

Турнир в Гетеборге принес советскому шахматному движению новую большую спортивную и творческую победу.

Сало ФЛОР

Гетеборг.

ТРИ ДОМА В СУТКИ

Петрозаводский домостроительный комбинат.

Лет десять назад среди камней и болот шумели сосны. Теперь на берегу Петрозаводской губы Онежского озера раскинулся большой домостроительный комбинат. День и ночь плывут к нему по рекам и озерам плоты и баржи с карельским лесом. Его поставляют три леспромхоза — Шуйско-Виданский, Медвежьегорский и Сунский.

На бирже сырья, в воде, теснятся, толкая друг друга, бревна. Роняя прозрачные капли, они ложатся на зубья ленточной бревнотаски и ползут вверх. У них одинаковая судьба: стать каркасом или балкой, оконной рамой или дверной коробкой, частью дома.

Из лесопильного цеха пиломатериалы уходят в сушилку. В деревообрабатывающем цехе — раскрой по длине, фуговка, строжка... И вот уже без труда узнаешь будущий дом по частям: шеренги оконных рам и дверных полотен, фронтоны, балки, стропила... Дальнейший их путь — в железнодорожный вагон. Чтобы погрузить около десяти тысяч деталей двухэтажного восьмиквартирного дома, нужно семь вагонов. А в сутки комбинат выпускает три таких дома. Это 750 квадратных метров жилой площади.

У будущего дома есть враг — грибок, которому стоит завестись — и пошло разрушение здания. На помощь домостроителям приходит антисептирование способом горяче-холодных ванн. Раствор фтористого натрия после пропарки древесины остается в сжавшихся потом от холода порах.

Вместе с деталями дома отправляется в путь и утеплитель для заполнения простенков — шлако-войлок или шлако-вата. Опилки и стружку использовать нельзя: от них сырость и пожары. Сейчас на комбинате из отходов производства начинают готовить новый утеплитель — древесноволокнистые плиты. У них есть огромное преимущество — не давать осадки. Технология их изготовления близка бумажному производству.

Готовится комбинат и к выпуску другой плитки — декоративной, облицовочной, напоминающей фибру. В оргалитовом цехе, строительство которого сейчас заканчивается, начнется массовый выпуск этой плитки.

Около половины всего домостроения в Карело-Финской ССР сосредоточено на Петрозаводском комбинате. Созданные здесь дома отправляются на целинные земли — в Казахстан и Барнаул, в Бийск и на Украину, а также на Кольский полуостров, в Подмосковье — туда, где строятся промышленные предприятия.

За месяц дом-путешественник обоснуется на новом месте, и однажды вечером новоселы зажгут свет. И долго еще вместе с запахом краски будет жить в новых стенах чудесный запах смолистой древесины, напоминая людям о лесах Карелии, откуда начал свое путешествие сборный дом.

К. ЯКОВЛЕВА
Фото В. КРУГЛИКОВА.

Деревообрабатывающий цех комбината. Бригадир столяров К. Урванов (слева) и столяр И. Гордичев.

Дома отправляются в путь...

Этот восьмиквартирный дом недавно собрали в поселке домостроителей в Петрозаводске. Жильцы В. Цукарь (слева), и И. Князев прибили почтовый ящик. Пишите им по новому адресу!

БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ

К 80-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского

В 1912 году литератор Недолин получил от А. М. Горького письмо. В нем были такие строки:

«О Ценском судите правильно: это очень большой писатель; самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе. Эскизы, которые он ныне пишет,— к большой картине, и дай бог, чтобы он взялся за нее! Я читаю его с огромным наслаждением...»

Это говорилось тогда о сравнительно еще молодом писателе Сергееве-Ценском. Бывший учитель, автор вышедшего в 1901 году небольшого сборника стихов «Думы и грезы», он уже ранней своей прозой привлек широкое внимание читателей и критики.

Когда критики пытались разобраться в творчестве Сергеева-Ценского, они упрекали его в чрезмерной расточительности образов, личных наблюдений, вкладываемых им в каждое новое произведение. Писателю предсказывали, что при таком мотовстве он «испишется» и довольно скоро умолкнет.

Но вот уже более полувека, не зная творческих пауз, не ведая устали, создает свои широкие, залитые яркими солнечными красками полотна этот замечательный художник, и не блекнет его палитра.

«Лесная топь», «Печаль полей», «Движения», «Бабаев», «Пристав Дерябин», «Валя», «Медвежонок», «Недра», многие другие романы, повести, рассказы, известнейшая эпопея «Севастопольская страда» вышли за это время из-под пера писателя-академика. Лишь избранные произведения С. Н. Сергеева-Ценского, выпускаемые сейчас Гослитиздатом, составят десять томов.

«Не пускайте же на свои страницы ни одной избитой, ни одной вялой, серой, скучной строки!— писал Сергеев-Ценский, обращаясь к молодым литераторам Крыма.— Берите большие темы, под стать Чатырдагу, Черному морю, крымской степи! В каждом слове своем будьте поэтами...»

Этот девиз маститого писателя подкреплен всем его многолетним и многообразным творчеством. Поистине в каждом слове своем он является поэтом. С полным правом называет он многие свои повести и рассказы поэмами, стихотворениями в прозе.

Сергеев-Ценский — великолепный пейзажист, мастер портрета, диалога.

— ...У него больше ста описаний моря — и ни одного повторяющегося,— восхищался мастерством Сергеева-Ценского П. А. Павленко.— ...Когда Ценский пишет, какое стояло солнце, то — честное слово — я могу поверить тому, что читатель на дальнем севере улыбнется от радости, от тепла на душе.

Вот пример того, как несколькими словами, одним великолепным мазком рисует писатель портрет:

«...Щеки его горьмя-горят, подожженные снизу длинными рыжими усами...» (рассказ «Улыбки»).

Искусство перевоплощаться, проникать в психологию, в образ мыслей, поведение своих героев, говорить их языком у Сергеева-Ценского необыкновенное. Писатель-сибиряк Вяч. Шишков был убежден, что Сергеев-Ценский — коренной сибиряк: иначе как же мог он написать свою чудесную повесть «Медвежонок»? Когда в 1928 году Горький приехал в Крым и Сергеев-Ценский, совершавший с ним прогулку на Ай-Петри, проявил здесь живой интерес к каменным породам, Алексей Максимович сказал ему с улыбкой:

— Давно уж догадывался я, что вы — горный инженер,— ведь так?

— Совсем не так! И почему именно вы пришли к выводу, что я — горняк? — удивился Сергеев-Ценский.

— А как же вы, не будучи горным инженером, могли написать свою «Наклонную Елену»?..

Это умение вживаться в своих героев идет от писательской зоркости, от богатства жизненных наблюдений. Многое перевидал за свою долгую жизнь Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, многое познал: и тогда, когда учительствовал, и тогда, когда в первую мировую войну служил в армии прапорщиком запаса, и в трудные годы гражданской войны и разрухи, когда, спасаясь от голода, вынужден был пасти коров.

Сергей Николаевич, когда был учителем, много ездил по России.

— Вы — золотоискатель, — сказал ему однажды писатель Леонид Андреев,— вы рыщете по России в поисках золота и находите такие самородки, как ваш Антон Антоныч из «Движений», как ваш пристав Дерябин и прочие...

Записей в своих путешествиях по России Сергей Николаевич почти не делал, полагаясь на память.

— Что прежде всего необходимо иметь, чтобы быть писателем? Память! — убежденно говорит Сергеев-Ценский.

Сам он и теперь, в свои восемьдесят лет, изумляет всех поразительной памятью. Рассказывает о десятках людей и событий прошлого века, часто вставляет в разговор стихи, эпиграммы, главное же — держит в своем уме на протяжении нескольких десятилетий всех действующих лиц создаваемой им многотомной эпопеи «Преображение России», а их более тысячи.

Ни на один день не прерывается труд писателя над этой эпопеей. Она повествует о годах, предшествовавших первой мировой войне, отражает события войны и подготовку революции в России. Дальше действие развивается в романах «Февральская революция» и «Долой царя». Повесть «Приезд Ленина» показывает деятельность большевиков в те грозовые годы. И, наконец, роман «Великий Октябрь», посвященный Октябрьской социалистической революции, и несколько романов и повестей о гражданской войне и двадцатых годах.

Грандиозный по охвату событий и широте изображения замысел! И впрямь, «эскизы», с которыми в начале века вошел в литературу Сергеев-Ценский, развернулись в большую красочную картину.

Художественное воплощение избранной писателем огромной темы стало делом всей его жизни. То он писал фрагменты монументального полотна, рисующего преображение России, то — один за другим многочисленные этюды к нему. Таким «этюдом» к «Преображению России» явилась и большая, трехтомная эпопея «Севастопольская страда», за которую Сергеев-Ценский получил в 1941 году Сталинскую премию первой степени.

Даже в незавершенном виде эпопея «Преображение России», над которой писатель работает более сорока лет, предстает перед читателем как архитектурно стройная, цельная вещь. Еще тогда, когда была написана первая часть эпопеи — роман «Валя», Горький пришел от него в восторг. В предисловии к переводу «Вали» на английский язык, написанном Горьким в 1924 году, он назвал этот роман величайшей книгой изо всех вышедших в России за последние двадцать четыре года. «Она гармонична, как симфония, проникнутая мудрой любовью и жалостью к людям,— говорил А. М. Горький...— Написав эту книгу, Ценский встал рядом с великими художниками старой русской литературы».

...В трех километрах от Алушты стоит небольшой, одноэтажный дом, забравшийся высоко в гору. Это «писательская мастерская» Сергеева-Ценского. Так называет он свою дачу, в которой живет уже полстолетия. Утопающая в щедрой зелени сада, окруженная рослыми кипарисами, посаженными самим хозяином, она не видна ни из города, ни с берега моря, ни с шоссе.

Действительно, лучшего места для сосредоточенной творческой работы, пожалуй, и не придумаешь. Только в штормовую погоду сюда доносится шум волн. С длинной, тянущейся вдоль всего дома стеклянной веранды — «шагальни», как назвал ее когда-то Куприн, открывается чудесный вид на море. Воздух в Алуште и вообще-то прекрасный, а здесь, на горе, куда не долетает ни одна пылинка, где вокруг, куда ни кинешь взгляд, сплошная зеленая кипень, он особенно чистый, прозрачный, свежий. Это о нем, видимо, говорит Иван Петрович, герой рассказа Сергеева-Ценского «Старый врач»:

«...Тут, на вышке, воз-дух — первого получения, как а-на-нас!»

Слева от входа с веранды — просторный рабочий кабинет. У окна, выходящего к морю,— скромный стол. За этим столом написаны десятки глав «Севастопольской страды» и многие другие произведения, в том числе изданный несколько лет назад в Крыму «Утренний взрыв». О неизбывной творческой силе автора этого романа говорит следующая телеграмма, полученная не так давно Сергеевым-Ценским от Михаила Шолохова:

«С истинным наслаждением прочитал «Утренний взрыв». Дивлюсь и благодарно склоняю голову перед вашим могучим, нестареющим русским талантом.

Ваш Шолохов».

В самое последнее время Сергей Николаевич написал вторую часть романа «Преображение человека» — «Суд». Первая часть его — «Наклонная Елена» — была написана в 1913 году. Более сорока лет вынашивал писатель продолжение этого романа, возникшего у него из короткого разговора, услышанного в вагоне поезда.

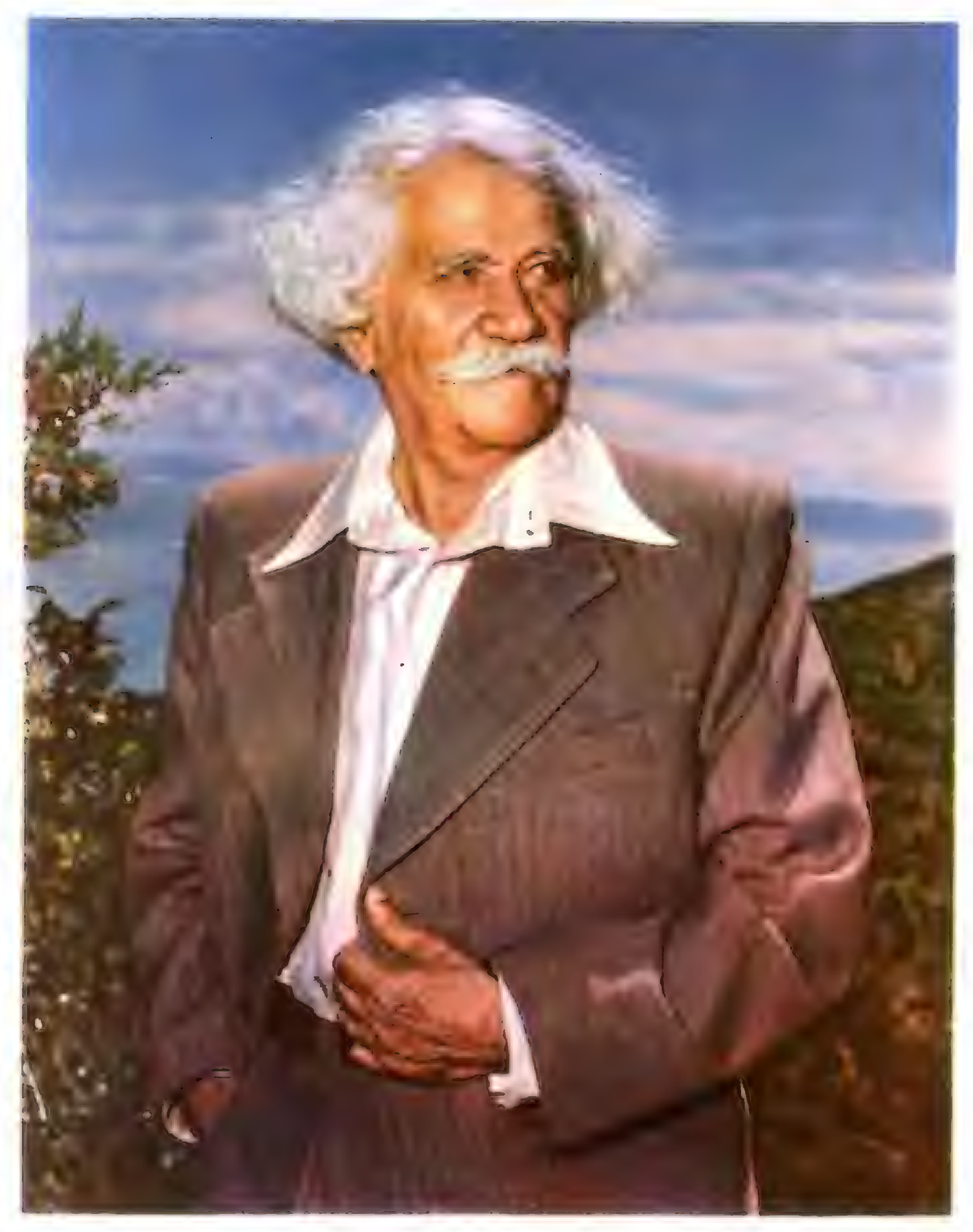
Автора «Севастопольской страды» знает весь Советский Союз. Но особой популярностью пользуется Сергеев-Ценский в Крыму. В прошлом году, когда отмечалось столетие Севастопольской обороны, писатель был приглашен на праздник в Севастополь, в гости к морякам Черноморского флота. Тепло и сердечно встретили его черноморцы и труженики города-героя. 79-летний писатель изумлял всех своей жизнерадостностью, неутомимостью и любознательностью. Он присутствовал на открытии восстановленной Севастопольской панорамы и нового Матросского клуба, побывал на боевых кораблях, несколько часов провел на Херсонесе, заглянув там буквально во все уголки. На яхте «Рион», которая была послана командованием Черноморского флота из Севастополя за почетным гостем из Алушты, Сергеев-Ценский с живейшим интересом расспрашивал матросов и офицеров о службе, о житье-бытье, познакомился с техникой управления судна. Всюду писателя окружали любовью и лаской.

Все, кому приходится встречаться с Сергеевым-Ценским, поражаются исключительной организованности и работоспособности этого славного труженика литературы. Каждый день в определенный час садится он за свой письменный стол и сидит за ним часами, не разгибая спины...

Полный творческих сил, нестареющего, неувядающего таланта, переступает академик Сергеев-Ценский порог девятого десятилетия своей жизни.

Когда с трибуны Второго Всесоюзного съезда советских писателей было рассказано о том, как вдохновенно и плодотворно работает в своем уголке в Алуште Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, в зале загремели аплодисменты. Вместе с делегатами съезда миллионы читателей нашей страны отдавали дань глубочайшего уважения и горячей признательности одному из старейших русских писателей за его талантливые произведения.

Евгений ПОПОВКИН

Сергей Николаевич СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ. К 80-летию со дня рождения.

Фото Н. Козловского.

И. Е. Репин. АВТОПОРТРЕТ. 1887 год. Государственная Третьяковская галерея.

В ДЕРЕВНЕ ОГНИЩАНКЕ

Глава из романа «Сотворение мира»

Виталий ЗАКРУТКИН

Рисунки И. Гринштейна.

Все лето огнищане работали не покладая рук. И хотя, подчиняясь старой привычке, многие из них чуть ли не каждого святого отмечали вынужденным бездельем, даже и эти, наверстывая упущенное, выезжали в поле по ночам, косили, выкладывали скирды на токах, молотили при фонарях, лущили стерню, готовили нивы под новый посев.

В какой бы час дня или ночи ни выходил Андрей со двора, он всегда видел или слышал людскую работу: то за хатой Петра Кущина гулко стучала веялка, и неторопливая, беременная вторым ребенком Мотя, опустившись на колени и оберегая живот, выгребала из-под веялки чистую, с сизым отливом рожь; то Антошка и Васка Шабровы, пристроившись в тени глинобитной землянки, теребили горох; то за холмом, где-то у Казенного леса, монотонно повизгивали несмазанные колеса плуга, и все знали, что это незадачливый Капитон Тютин, выпросив у Павла Терпужного коней, пашет на склоне свою полоску. Разные звуки — гул молотилки, скрип телег, глухое постукивание палок о пересохшие шляпки подсолнухов, шуршащий шелест зерна на простеленном кем-то рядне — говорили об одном: о неустанном человеческом труде.

Андрей и сам настолько втянулся за лето в работу, что почти перестал замечать время суток: то пахал при луне убранное поле под берестюками, то ходил с Романом и Федей на отработки — молотить огнищанам хлеб, то ломал кукурузу с Таей и Калей, то купал у колодца коней и коров. Руки его огрубели, покрылись шрамами и ссадинами. Мозоли на ладонях вначале лопались, кровоточили так, что трудно было сводить пальцы, а потом, распространяясь на всю ладонь, затвердели, покрылись толстой броней омертвевшей кожи. Оттого руки у Андрея стали жесткими и шершавыми, как чугун.

На это не стоило обращать внимания. Такие же руки были у Романа, у Феди, у Таи с Калей, у всех огнищан. Правда, девчонки, как все огнищанские щеголихи, мазали лица и ладони сметаной, чтобы смягчить кожу, но толку от таких косметических операций не было, разве только запах от девчонок шел, как от молочных крынок.

Однако, как ни уставала огнищанская молодежь от тяжелой работы, в любой свободный вечер возле Шабровых или Терпужных сходились девчата, и тотчас же, будто по мановению волшебного жезла, где-нибудь поблизости появлялась ватага парней, и уже голос здоровенного Трофима Лубяного выводил протяжно:

> Ой, да скатилася звезда-зорька с неба
> И упала-а над водой...

Умостившись под скирдой, парни подсаживались к девчатам, вместе пели, смеялись, рассказывали о чем-нибудь страшном: как за Волчьей Падью бандитов ловили, как ветхому деду Левону на кладбище привиделся его давно умерший отец... В деревне гасли огни, наступала тишина, и усталые от дневной работы парни мирно засыпали, прислонившись чубатыми головами к теплому девичьему плечу.

Андрей любил эти тихие огнищанские посиделки после тяжелой дневной работы. Наскоро помывшись, он шел к парням, пел с ними, подсаживался то к молчаливой Тане Терпужной, то к Васке Шабровой, но его не покидала мысль о Еле. Он знал, что Еля закончила школу, что она уезжает с отцом и матерью в далекий губернский город, и ему казалось, что он никогда не увидит ее. Бередя себе душу, растравливая себя, он вспоминал первое знакомство с Елей в школе, прогулку в лесу, встречи в душной комнатушке Любы Бутыриной. Он не спрашивал себя, что такое любовь, и не пытался понять, почему его так тянет к Еле, но засыпал и просыпался с мыслью о ней. Собственно, это даже нельзя было назвать «мыслью»,— просто перед Андреем всегда неотступно стоял образ Ели, даже в те минуты, когда вокруг были люди. И уже не раз многие замечали, что, говоря с кем-нибудь или подпевая поющим на улице парням, Андрей вдруг обрывал разговор или песню на полуслове, умолкал, и его голубые глаза темнели, становились чужими и далекими. А он в эту пору переставал видеть и слышать все окружающее, останавливал затуманенный взгляд на одной какой-нибудь точке и видел только одно: Елю. И чем дальше шло время, тем чаще Андрей стал избегать товарищей, с тем большей охотой уходил в поле.

Там, отбив первую трудную борозду, он пускал коней свободным неторопливым шагом, а сам, придерживая ручку плуга, шел сзади. Он не столько видел, сколько чувствовал, что в светлом створе пролегших над горизонтом лиловых облаков светит слабо греющее солнце, что корявые вязы на лесной опушке начинают ронять тронутые ранней желтизной листы, а бесконечные провода телеграфных столбов, точно бисером, усыпаны вереницами отлетающих на юг ласточек. Где-то в стороне, за пределами зрения, он чувствовал дымок костра на дальней меже, горделивое парение беркута над пашнями, бездумно пьянящий запах только что отвернутой плужным отвалом земли. Шагая вдоль борозды, Андрей почти бессознательно отмечал это все, видел же он только одно: Елю.

Еля легко являлась к нему. Помахивая шарфиком, проходила сквозь розовеющие края облаков; опустившись на колени, выкапывала несуществующие ландыши на лесной поляне; в белой кофточке и короткой синей юбке скользила по заросшему бурьянами промежку и исчезала за холмом. Но не только в белой кофточке и синей юбке она появлялась перед Андреем,— он запомнил все, что она носила: серую вязаную шапочку, темное пальто и сапожки — зимой; черный материнский шарф и плащ с откинутым на спину капюшоном — осенью; белые и розовые, как полевые цветы, платья — летом. Андрей перебирал в памяти все, что Еля носила: тонкие кофточки, туфли, ленты в волосах,— и с некоторой обидой и удивлением говорил себе: «У нее все не такое, как у наших огнищанских девчат. Наши с весны до осени босиком ходят, зимой солдатские стеганки надевают. Эта же — дочка рабочего, а наряжена, как барышня. Наряди так Таню Терпужную или Васку Шаброву, и Еля сразу полиняет...»

Он попытался представить Елю босиком, в потертом, застиранном платке, и чуть не опрокинул плуг от восторга — она показалась ему еще лучше, еще милее и краше: подоткнув юбчонку, чуть склонив, как это делала она всегда, голову набок, быстро перебирая стройными босыми ногами, Еля шла совсем рядом, по борозде, и от нее пахло молодыми травами и дождем...

Состояния Андрея никто не замечал. В деревне все были заняты своим делом, и ни у кого не было времени разгадывать, почему старший из братьев Ставровых заскучал и стал уединяться. Только одна Тая, украдкой следя за Андреем, сразу поняла, что с ним что-то происходит. Однажды вечером, когда они вдвоем огребали разметанный телятами стог сена, Тая спросила, отведя глаза:

— Тебе скучно, Андрюша?

— С чего ты это взяла? — передернул плечами Андрей.

— Так мне кажется.

— Мало ли что кому кажется!

За последний год Тая выросла, в голосе у нее появились новые, требовательные нотки, а сама она казалась еще более тонкой и гибкой.

— Я все-таки вижу, что ты скучаешь,— настойчиво повторила Тая, подбрасывая граблями последний клок затоптанного в землю сена.

— Болтаешь, сама не знаешь что,— рассердился Андрей.

— Нет, правда, скажи мне...

Она подошла так близко к Андрею, что он увидел, как повлажнели ее темные глаза, а рука, державшая грабли, задрожала.

— Отстань,— буркнул Андрей,— мне надо идти за лошадьми.

— А где они?

— Аж возле Пенькового леса.

Тая прислонила грабли к стогу.

— Давай я с тобой пойду.

— Зачем? — удивился Андрей.— Ступай, помоги Кале доить коров.

Тонкие таины брови сошлись у переносицы.

— Каля сама подоит, а я пойду с тобой. Мне хочется, чтоб ты поучил меня ездить верхом, как тогда... ты должен помнить...

Она не сказала, что должен помнить Андрей, но он сразу понял: Тая имеет в виду его мальчишеский поцелуй два года назад, когда они вдвоем мчались на коне, и он, озоруя, чмокнул ее в горячую, усеянную капельками пота шею.

— Отстань, Тайка,— насупился Андрей,— ничего я не помню, и ты никуда не пойдешь.

Тая опустила ресницы, вздохнула:

— Как хочешь...

За лошадьми Андрей пошел один, позванивая переброшенными через плечо уздечками, и, как только взобрался на холм и увидел предвечернюю синеву полей, стал думать о Еле. А Тая долго еще стояла у стога, покусывала горьковатую былинку и смотрела вслед Андрею, пока он не скрылся с глаз. Мерклый закат тускнел, его желтоватая полоса потонула в неярких багряных тонах, но жидкие отсветы еще виднелись на вершине ближнего холма. Потом очертания холма растаяли, слились с темным, беззвездным небом...

* * *

Дни ранней осени походят один на другой. С утра над полями висит однообразно серая пелена слоистых облаков, сквозь которые солнце угадывается, как размытое пятно. Иногда ночью, невидимая, беззвучная, упадет на темную пахоть влажная морось, исчезнет ветер, а к рассвету в полях стоит ничем не потревоженная тишина. Если же в полдень или в предвечерье скудный солнечный луч прорвет облачную пелену и озарит землю ровным, мягким светом, на сломанных стеблях подсолнухов, на поникших кукурузных бодыльях, на колючих ветвях обронившего листья терновника видны тонкие, чуть заметно реющие в неподвижном воздухе нити паутины.

В один из таких тихих осенних дней Андрей допахивал в Солонцовой балке поле под зябь. Ему осталось сделать два — три захода, и он предвкушал удовольствие хорошо отдохнуть. Докурив папиросу, он почистил плуг и уже хотел было завести его в борозду, но вдруг увидел на вершине холма торопливо идущего к нему человека. Андрею показалось, что это Роман, но он присмотрелся: нет, на Романа не похож. «Кто бы это мог быть?» — подумал Андрей и узнал Гошку Комарова.

— Здорово, рыжий! — издали закричал Гошка.

Андрей любил этого неунывающего круглолицего парня с его вечно смеющимися глазами, густыми веснушками на носу и выпяченной губой. Андрею говорили, что после окончания пустопольской школы Гошка нику-

да не поступил, а отсиживался в хуторе Калинкине, где его недавно овдовевшая мать арендовала маленькую паровую мельницу. Сейчас, одетый в праздничные серые брюки и сиреневую рубашку с подвернутыми рукавами, Гошка вприпрыжку бежал к Андрею и, по-шутовски размахивая руками, орал:

— Привет трудолюбивому пахарю!

Осторожно, чтоб не испачкать разутюженную рубашку, Гошка обнял Андрея, покосился на его запыленные босые ноги, важно щелкнул никелированным портсигаром.

— А я был у тебя дома, — тщетно пряча улыбку, сказал он.— Сегодня суббота, дай, думаю, проведаю рыжего, как он там. Ну, пришел, а мне говорят: твой рыжий трудится, поле допахивает в Солонцовой балке...

Они закурили, уселись — Андрей на земле, а Гошка на грядиле плуга, подстелив носовой платок.

— Ну, а ты как? — спросил Андрей.

— Лучше всех. Учетчиком стал на мельнице. Бегаю с блокнотом да записываю, кто сколько зерна мелет, чтоб свои фунты за помол взять. Весело? Целый день, как клоун, весь в муке, и нос забит отрубями так, что чихать хочется.

— Действительно весело! — усмехнулся Андрей.

— Еще бы!

— А Клава как?

Гошка прищурил светлокарий глаз.

— И Клава дома, куда ж она денется. Больше тебя никто не интересует? Если интересует,— спрашивай.

Андрей знал, что Клава переписывается с Елей, и думал, что Гошка, зная о его любви, сам скажет о Еле, но тот выжидающе молчал, только губы его дрожали от нетерпения и прищуренный глаз искрился хитроватой издевкой.

— Что Еля пишет? — как можно более равнодушно спросил Андрей.

Гошкины плечи затряслись от смеха.

— Какая Еля?

— Ну, не валяй дурака.

— Еля Солодова?

— Да, да, Еля Солодова.

Не скрывая торжества, Гошка поднялся с плуга.

— Дорогой мой пахарь! Заканчивай свою пахоту, садись на коня и галопом скачи домой. Еля Солодова у тебя дома.

— Ты что,— Андрей угрожающе приподнялся с земли,— зубы скалить сюда пришел?

— Честное слово! — попятился Гошка.— Не верит, чудак! Они все: и Платон Иванович, и Марфа Васильевна, и Еля — вчера приехали к нам в Калинкин. Они уезжают в город, уже все вещи отправили из Пустополья. У нас мерин захромал, а Солодовых надо везти в Покрестово, к поезду. Твой отец был на мельнице, увидел Платона Ивановича и говорит: «Поедемте к нам в Огнищанку, погостите денек — другой, а на станцию я вас сам отвезу». Они сели да поехали.

— И Еля? — недоверчиво спросил Андрей.

— И Еля, конечно, и мы с Клавой.

— Где ж они сейчас?

— Тьфу, обормот какой! — рассердился Гошка.— Я же тебе русским языком говорю, что Еля с отцом и матерью у вас дома. Допахивай свое поле, и пошли домой!

Андрей уже не помнил, как он, торопясь, понукая коней и оставляя огрехи, допахал узкую полоску, кликнул бродившего неподалеку Гошку, перевернул плуг и поехал домой. Он поглядывал на щеголеватого товарища, и ему было стыдно за свой заплатанный на локтях и коленях, полинялый солдатский костюм, за покрытые ссадинами босые ноги, за исполосованные подтеками пота и пыли руки.

«Черт с ней! — озлился Андрей.— Пусть эта барышня полюбит меня таким, как я есть,— в драных штанах. А не полюбит — и не надо».

Так он думал, а сам, не замечая запыхавшегося Гошку, все прибавлял шаг и повторял про себя: «Ёлочка, Ёлка! Хоть раз бы еще увидеть тебя, а там будь что будет...»

Дома его встретили шумной ватагой Еля, Клава, братья, сестры. Они стояли вокруг наполненной дождевой водой бочки: Роман держал в руках новые черные галифе и кремовую косоворотку, Федя — начищенные сапоги, Каля — полотенце с мылом. Только одной Таи не было видно.

— Беги переодевайся! — закричал Роман.

— Пусть сначала умоется.

— Снимай гимнастерку, бери мыло!

Еля, одетая в белое платье, с легким смущением теребила на переброшенной через плечо косе лиловый бант и, посматривая на Андрея, улыбалась. Да, она была такой же, как виделась Андрею всегда: красивая, с нежным румянцем на щеках, с быстрым взглядом светлосерых внимательных глаз, с открытым, чистым лбом и капризным подбородком. Но в то же время — Андрей мгновенно понял это — она стала немножко другой, более взрослой. У нее исчезли угловатые движения подростка, бедра и плечи округлились, а тонкая ткань легкого летнего платья туго обтягивала высокую грудь.

— Идите, девочки, я быстренько помоюсь, а потом уж буду со всеми здороваться,— сказал Андрей, расстегивая ворот гимнастерки.

Когда все ушли, Роман с одеждой и полотенцем присел на опрокинутую тачку, посмотрел вслед Еле и вздохнул:

— Вот это да-а...

— Что? — сплевывая мыльную пену, спросил Андрей.

— Как царевна, так бы и ходил за ней следом.

— Ты же, кажется, уже видел ее в Пустополье?

— Тогда я не рассмотрел ее, а сейчас...

Андрей засмеялся, отфыркиваясь.

— Хороша?

— Я же тебе говорю: царевна...— с непонятной грустью промолвил Роман.— Такие только на картинках бывают...

Как из-под земли выросший Федя хлопнул Андрея по голой спине, опасливо оглянулся и зашипел в ухо:

— Красивее этой Ели нет никого на свете.

— Что вы, как сговорились,— поглядывая на братьев, сказал Андрей,— еще влюбитесь, чего доброго.

Никогда не чувствовал он себя таким счастливым, как в этот тихий осенний день. Холодная, с запахом бочки вода освежила его усталое тело; галифе и косоворотка были разутюжены не хуже, чем у Гошки, хромовые сапоги сверкали. Самое же главное то, что здесь, в Огнищанке, была Еля и он мог смотреть на нее, разговаривать с ней, любоваться ею.

Через четверть часа, вымытый, с начесанным на левую бровь мокрым чубом, важно заложив руку за широкий командирский пояс с медной пряжкой, Андрей пошел в комнату, где сидели гости.

— О, какой казак вымахал! — поднялся, увидев Андрея, Платон Иванович.— Ну, подойди сюда, я тебя обниму.

Он слегка подтолкнул локоть стоявшей у окна Ели.

— Стань-ка, Ёлка, рядом с ним, посмотрим, кто из вас выше

— Я выше,— сказала Еля.

— И совсем нет,— решил заступиться за брата Федя,— Андрюша выше.

Еля вызывающе тряхнула косой, подошла к Андрею, стала рядом, хотела незаметно приподняться на цыпочки, но все увидели ее маневр и дружно засмеялись.

— Надо скамейку подставить, — пошутил Дмитрий Данилович.

— Как раз по бровь...

Обедали чинно, за двумя сдвинутыми столами, накрытыми новой скатертью. Дмитрий Данилович расщедрился, послал Романа в костинокутскую лавку за водкой и вином, а Настасья Мартыновна, накормив гостей отличным борщом и гусем, выставила все незамысловатые деревенские лакомства: арбузный мед, виноград, ломтики засушенной на солнце дыни.

Федя и Каля по приказанию матери долго искали Таю, звали ее, кричали, надрывая горло, но Тая куда-то запропастилась.

— Наверное, к девчонкам пошла,— сказала Настасья Мартыновна,— пообедаем без нее: семеро одного не ждут...

После обеда старшие уселись вокруг самовара, стали чаевничать, а молодежь отправилась в парк.

Заходило солнце. Ветви редких берез отсвечивали розовым, под ногами шуршали опавшие листья. В терновнике тоненько тинькали синицы. Где-то за парком протяжно мычала корова. Снизу, из деревни, доносился монотонный скрип колодезного журавля. Далеко, на противоположном холме, Трофим Лубяной, допахивая поле, пел песню, и его сильный, звучный голос, точно купаясь в прозрачной синеве уходящего дня, плыл над деревенскими хатами, над садами и дорогами.

— Хорошо у вас тут,— задумчиво сказала Еля.

— Хорошо,— как эхо, отозвался Андрей.

Он глаз не сводил с Ели, шел за ней, не замечая никого, не зная, о чем нужно говорить и как говорить. Чтобы выпутаться из неловкого положения, он стал показывать Еле и Клаве каждый уголок запущенного, заросшего бурьянами парка, водил их от лужайки к лужайке, остановился перед тополем, на матово-серебристом стволе которого расплывались, теряя очертания, искривленные инициалы.

— Это вырезал лет семь или восемь назад сын помещика Рауха, Юрген Раух,— сказал Андрей, поглаживая ствол тополя,— их выселили отсюда, и они уехали в Германию. Огнищане говорят, что старый Раух был злой, как зверь, а этот, молодой, Юрген, вроде ничего: мужиков не чурался и даже девушку одну местную любил. Я ее знаю.

— Красивая? — поинтересовалась Клава.

— Ничего, славная девушка. Он ей письма из Германии писал и сейчас, кажется, пишет, а она недавно вышла замуж за одного демобилизованного красноармейца...

Они постояли у тополя, потрогали руками затянутые корой буквы — знак чьей-то чужой, незнакомой жизни.

Тем временем Роман, показывая Гошке свое хозяйство, выгнал из коровника голубей и взмахами шеста заставил их взлететь.

Солнце только что зашло, и голуби поднялись нехотя, разрозненной, недружной стаей, потом красный белокрылый вертун — любимец Андрея,— уходя все выше и выше, увлек стаю за собой и повел вверх. Небо было чистое, густой, ясной синевы, но синева эта сияла опалово-розовым отражением заката и как будто застыла в строгом, торжественном покое. На земле уже не осталось солнеч-

ного света, снизу, от деревни, надвигались мягкие сумерки, а там, в вышине, как веселые воздушные огоньки, носились озаренные невидимым солнцем голуби: одни кувыркались, вертясь через голову, мелькали огненной стружкой, другие описывали плавные круги, парили, подняв косые крылья, как белопарусные лодки в безбрежном океане, третьи взмывали вверх и таяли в глубине неба.

Чуть приоткрыв рот, Еля следила за голубями, и в глазах ее светился такой восторг, что Андрею захотелось кричать от счастья. Он незаметно тронул ее за руку и сказал тихонько:

— Хочешь, я покажу тебе старый орех, ему, говорят, лет сто...

Еля послушно пошла рядом с ним, все еще поглядывая на голубиную стаю. Они вышли к краю парка.

— Вот здесь,— вытянул руку Андрей.

Он зашагал в своих начищенных сапогах напрямик, забыв о зарослях крапивы, а Еля, на которой не было чулок, вскрикнула, схватилась за ветку лещины.

Андрей оглянулся, сразу понял все, поднял Елю на руки, вынес на лужайку и пробормотал виновато:

— Прости, пожалуйста, я совсем забыл об этой проклятой крапиве. Сильно обожглась? Покажи...

Наклоняясь, он робко коснулся ладонью ее платья и вдруг, не отдавая себе отчета в том, что делает, повинуясь только одному радостно вспыхнувшему в нем чувству нежности, прижался щекой к ее плечу.

— Что ты? — испугалась Еля.— Зачем?

Она нагнулась, подолом платья прикрывая ноги, зашептала сердито:

— Оставь! Слышишь? Увидят...

— Ну и пусть видят...

Андрей поднялся, сунул руки за пояс, сказал так, точно угрожал Еле:

— Я люблю тебя. Понимаешь? Люблю... Я давно люблю тебя, и ты это знаешь, должна знать...

Елины щеки заалели.

— Хорошо, пойдем.

— Никуда я не пойду,— отвернулся Андрей.

— Ах, вот вы где! — раздался в кустах голос Клавы.— А мы искали вас в том краю. Пойдемте, проводите нас с Гошей, а то уже темнеет.

Пока все шли по дороге, Андрей молчал. Он брел сзади, рассеянно слушал говорливого Гошку, на вопросы, обращенные к нему, отвечал невпопад и потому злился еще больше. На развилке распрощались с Клавой и Гошкой и пошли обратно, любуясь выплывшей из-за холма медно-желтой луной.

Настасья Мартыновна встретила их у ворот и спросила тревожно:

— А Таи разве не было с вами?

— Нет, не было,— за всех ответила Каля.

— Где же она может быть, дрянная девчонка? — всплеснула руками Настасья Мартыновна.— Не обедала до сих пор и домой не являлась. Ступайте поищите ее у Шабровых или Горюновых.

Федя с Калей направились на поиски Таи. Елю проводили в дом, а Андрей с Романом пошли управляться с лошадьми.

— Ты веди коней на водопой, а я наношу сена,— сказал Андрей брату.

Он взял корзину, зажег фонарь и полез по лестнице на сеновал. Там, в углу, на попоне, подложив под голову тонкую, с острым локтем руку, спала Тая. Дыхание у нее было неровное, прерывистое, такое, как бывает у детей, когда они долго плачут, а потом, устав от слез, засыпают.

Андрей легонько потянул Таю за палец босой ноги.

— Ты зачем сюда забралась, Тайка?

Тая открыла глаза, но не переменила положения, только смотрела на Андрея и хмурилась.

— Что ты тут делаешь? — спросил Андрей.

— Я хотела за тебя наносить сена в конюшню, ты же был занят,— тихо сказала Тая,— залезла сюда и нечаянно уснула...

— Ладно, слезай,— потупился Андрей,— тебя ищут по всей деревне, и мать сердится, что ты не обедала.

Ему захотелось как-нибудь приласкать Таю, но он посвистал, посмотрел на мигающую свечу в фонаре и повторил с укоризной:

— Слезай, слезай... Нечего тебе тут де-[illegible]..

Отряхнув попону, Тая молча полезла вниз.

Часов до одиннадцати, не зажигая лампы, Ставровы с гостями сидели на крыльце. Платон Иванович Солодов курил, огонек папиросы на миг освещал его крепкое, чисто выбритое лицо, потом оно снова пропадало в темноте.

— Сидел я эти пять лет, как барсук в норе,— говорил Платон Иванович,— кусок хлеба своей семье зарабатывал. А получилось так потому, что мне мастерство свое некуда было приложить. Завод, на котором я проработал лет пятнадцать, стал мертвым, даже стены, и те обвалились. Ну, пошел я в свой цех, попрощался с ним через выбитое окно, забрал жену с дочкой и ушел куда глаза глядят, по первой деревенской дороге...

«Хорошо, что эта дорога привела в Пустополье,— подумал Андрей, всматриваясь в бледные, неясные звезды и радостно ощущая близость сидевшей рядом с отцом Ели.— Хорошо, что так получилось, иначе я не знал бы, что есть на свете Еля, никогда не увидел бы ее».

— Сейчас совсем другое дело,— продолжал Платон Иванович,— завод наш восстановили. Разве ж можно мне, мастеру, в деревне отсиживаться да швейные машинки бабам чинить? Нет уж, спасибо за честь! Кругом такое делается, что душа радуется. Страна вся кипит. Вот, говорят, недавно на Волге тракторный завод стали строить, Волховскую электростанцию заканчивают. Турксиб начали. Куда ни глянь — везде строят, народа требуется миллиард. Подумал я и решил: хватит, не могу без завода. Списался с друзьями, а они все в один голос: приезжай, Солодов, цех твой тебя ждет...

— А когда вы хотите ехать на станцию? — неожиданно спросил Федя, который уже успел примоститься возле Ели на ступеньке и за целый вечер не проронил ни слова.

— Завтра утром, сынок,— ответил Платон Иванович,— а что, мы тебе уже надоели?

— Вот и хорошо,— милостиво разрешил Федя,— утром я вас за полчаса довезу до Покрестова, а Еля с мамой пусть побудут у нас день — два.

— Правда, правда! — закричали все молодые Ставровы.— Мы очень просим.

Настасья Мартыновна тоже сочла нужным вмешаться и попросила Солодовых:

— На самом деле, чего Марфе Васильевне с Ёлочкой спешить? Пусть побудут у нас, отдохнут. И нам всем будет очень приятно, а то живем мы тут на отшибе и людей не видим.

Солодовы переглянулись.

— Ну что ж,— махнул рукой Платон Иванович,— за приглашение спасибо. Пока я в городе насчет квартиры похлопочу, пусть побудут пару деньков. А потом уж вы к нам приезжайте.

Андрей был на седьмом небе от счастья. Еще целых два дня Еля будет тут, и он будет ее видеть, слышать ее голос!

Братья Ставровы улеглись спать на сеновале, расстелив попоны и потники. Хотя вокруг сеновала звенели комары, дверь решили оставить открытой, и Андрей долго наблюдал, как плывущие с запада темные облака лениво наползали на луну и, поглотив ее светлый диск, сами освещались изнутри слабым, неверным свечением.

Андрей думал о Еле и — в который раз! — задавал себе мучительный, безответный вопрос: «А что ж дальше? Вот Еля навсегда уедет в город, а я останусь тут. Разве она будет вспоминать обо мне? Мало там в городе таких, как я?» Он готов был грызть потник от горя и тоски, ворочался, но не знал, что ему делать, и уснул с грустной мыслью о том, что они с Елей расстанутся навсегда.

Утром после завтрака Федя, как обещал, отвез Платона Ивановича на станцию, взрослые Ставровы завели долгий разговор с Марфой Васильевной, а Андрей увел Елю гулять.

Был воскресный день, теплый и солнечный. Возле каждого двора на колодах, на лавочках, на камнях сидели празднично одетые парни и девчата. Судачили, склонившись к плетням, женщины. На завалинке Шабровых, сбитые в тесный табунок, устроились Васка, Ганя Горюнова, Уля Букреева, Таня Терпужная. Андрей и Еля медленно шли по улице, провожаемые любопытными взорами огнищан, и вслед им несся шепот:

— Андрюшка фершалов свою кралю при-[illegible]

— А чего ж, славная девка!

— Белая какая да гладкая.

— Будет гладкая, если за плугом не ходит...

— Глаза у нее серые, а в косу лента вплe-[illegible]

— Вы поглядите, какое коротюсенькое платье, коленки видать!

Андрей слышал этот шепот, понимал, что разговор идет о нем, о Еле, раздраженно похлопывал вербовым прутиком по голенищам и вел Елю за деревню, к высохшему пруду. Там, на поросшей молодым ивняком гребле, они остановились.

— У нас тут был хороший пруд,— глядя на серую, испещренную трещинами долину, сказал Андрей,— мы в нем купались, скотину поили, по праздникам гуляли над прудом.

А весной вода прорвала греблю — и пруд пропал. Видишь, что от него осталось?

Еля вежливо посмотрела на усыпанное желтеющими бурьянами пересохшее болото, тронула рукой тонкую талинку и повернулась к Андрею.

— Ты что ж, так и думаешь жить в этой своей Огнищанке?

— Не знаю,— вздохнул Андрей.

— А учиться ты будешь или нет?

— Конечно.

— Где? Кем ты хочешь быть?

Как мог Андрей ответить на этот вопрос? Что мог он сказать Еле? Что их, Ставровых, в семье четверо да пятая девочка-сирота? Что каждому из пяти надо хоть трудовую школу кончать, а значит, надо помогать друг другу? Что у них один источник жизни — земля и, значит, надо с весны до поздней осени трудиться на этой земле? Ничего этого Андрей не сказал, только лицо его стало задумчивым, невеселым, и он проговорил тихо:

— Я хочу быть агрономом, Еля. Понимаешь, я очень люблю все живое: землю, посевы, коней, коров. Мне кажется, что из меня получился бы агроном... Думаю, что через год, на ту осень, я поступлю в сельскохозяйственный техникум, если, конечно, мне дадут командировку и рекомендацию... Правда, наш председатель сельсовета Длугач обещал помочь, но ты знаешь, обещанного два года ждут.

— А где есть такие техникумы? — спросила Еля.

— Не знаю,— пожал плечами Андрей,— наверное, есть в нашей губернии, я еще не справлялся. Зачем раньше времени тревожить себя?

Он заглянул Еле в глаза. Ему, как всегда, захотелось обнять ее, прижать к себе, но вместо этого он спросил сдержанно:

— А ты что будешь делать?

— Я буду учиться музыке,— мечтательно сказала Еля,— без музыки я жить не могу. В Пустополье меня три года учила Екатерина Сергеевна, у нее дома был рояль. А сейчас мы переедем в город, там будет легче. Папа мне говорил, что в городе есть музыкальное училище, он узнавал.

Почти не вникая в то, что Еля говорит, вслушиваясь в ее звучный, грудной голос, заранее предчувствуя горечь близкого расставания с ней, Андрей стоял, широко расставив ноги, поигрывал прутиком и вдруг сказал глухо:

— Знаешь, Ёлочка, я очень виноват перед тобой, очень виноват... Но, поверь мне, я сделал это не потому, что хотел тебе зла. Так глупо и подло все получилось, до сих пор не могу простить...

— О чем ты говоришь? — удивилась Еля.— Я не понимаю.

— Прошлой зимой,— холодея от ненависти к себе, сказал Андрей,— это письмо твоему отцу писал я.

Заметив, как вспыхнула Еля, как мгновенно потемнели от гнева ее серые глаза, торопливо, точно ему надо было защититься от удара, Андрей поднял руку.

— Подожди. Пойми меня. Ты даже сама не знаешь, как я любил тебя тогда и как люблю сейчас. И тогда и сейчас, слышишь? Я сам не знаю, что со мной делается. Об одном прошу тебя: прости меня. Завтра ты, Еля, уедешь, и я не увижу тебя никогда. Неужели ты не простишь меня, Ёлочка?

Губы Андрея задрожали. Он сломал прутик.

В том, как он произнес ее имя, было столько любви и мольбы, нежности и затаенной ласки, столько искреннего мальчишеского страдания, что Еля сама чуть не заплакала, коснулась рукой его волос и тотчас же боязливо отдернула руку.

— Дурной ты какой! Пойдем! Я давно все забыла...

Весь день оба они казались немного подавленными, мало говорили друг с другом. К счастью Романа, Феди и Кали, Еля лежала с ними в снятом с колес тележном ящике, и они, не сводя с нее влюбленных глаз, болтали с ней и грызли подсолнухи. Андрей ходил поодаль, посвистывал или сидел под старым орехом и курил папиросу за папиросой. Раза два мимо него прошла Тая, но он не заговорил с ней, и она исчезла.

Перед вечером Андрей сказал Еле:

— Хочешь, я научу тебя ездить верхом?

— А это не очень страшно? — улыбнулась Еля.

— Совсем не страшно, ты увидишь. И потом я тебе подседлаю смирную лошадь, на ней чай можно пить.

Еля решительно тряхнула косой.

— Что ж, поедем...

Сёдел у Ставровых не было, и Андрей с помощью Феди приспособил на серую кобылу потник, сверху положил коврик и туго стянул все это сыромятной подпругой с самодельными стременами. Такой же подпругой он опоясал свою караковую Розиту, которая сразу же затанцевала и ухватила Федю зубами за волосы, за что получила от него изрядную оплеуху.

Поддержав стремя, Андрей помог Еле забраться на серую, оправил коврик, покосился на круглое елино колено.

— Поехали.

Они выехали со двора шагом и свернули по дороге к берестюкам. Тишина ранней осени лежала над убранными полями. Был воскресный день, никто из огнищан не выехал на работу. Ровно освещенные предвечерним солнцем, желтели бескрайние стерни, лишь кое-где перерезанные черными полосами свежей пахоты. Отсюда, с вершины холма, видны были дальние хутора, вытянутый вдоль балки Пеньковый перелесок, обозначенные невыкошенными бурьянами межи, синеватая, вся в багряных бликах опушка берестюков. И все это — и поля, и перелески, и набитые проселочные дороги — было объято тем мирным, дремотным покоем, какой бывает только осенью, когда земля вырастила все, что должна была вырастить, а люди убрали все, что должны были убрать, и наступила пора отдыха.

Андрей ехал чуть позади, натягивая поводья, чтобы его горячая, игривая кобылица не забегала вперед и ему можно было смотреть на Елю. К его удивлению, Еля не обнаружила ни малейшего признака страха. Она сидела на лошади свободно и легко, только по-женски, смешно отводила локти в стороны и часто оглядывалась.

— Держи руки спокойно, ты машешь ими, как курица крыльями! — усмехаясь, крикнул Андрей.

— Разве не все равно? — отозвалась Еля.— Мне так удобно.

Они въехали в лес. Тут из гущины надвинулись тихие сумерки, повеяло запахом прелых листьев и сырой земли. Дорога тянулась по просеке, ровной как натянутая струна, а справа и слева чернели редкие, окру-

женные густой чащей подлетков, старые берестюки.

Шевельнув поводьями, Андрей поровнялся с Елей, осторожно, чуть прикасаясь, обнял ее за талию. Еля опустила голову, но не рассердилась и не оттолкнула его. И опять Андрею, как тогда в пустопольском лесу, захотелось сделать что-нибудь такое, что показало бы Еле его любовь к ней и она поняла бы, что ради нее он готов на все. Заметив на поляне поваленный бурей дуплистый тополь, Андрей подумал: «Сейчас я покажу ей, как надо ездить верхом». Тополь подломился довольно высоко от корня, а его подпертый кроной ствол висел параллельно земле. «Отличный барьер, хоть и высоковатый»,— отметил Андрей.

— Постой-ка тут,— сказал он Еле,— сейчас ты увидишь скачки с препятствиями.

Он отъехал подальше, пришпорил кобылицу и карьером понесся к поваленному тополю. Года два он учил свою Розиту прыжкам через деревенские плетни, глубокие водомоины, не раз пугал огнищанских баб, перепрыгивая на Розите через водопойное корыто у колодца. Однако поваленный тополь лежал высоко над землей, почти вровень с конской грудью. «Возьмет или не возьмет?» — с тревогой подумал Андрей, приближаясь к тополю. Облегчая груз тела, он за секунду приподнялся в стременах, ничего не замечая, оскалив зубы, подался вперед. Кобыла взвилась над тополем, перемахнула через него, лишь слегка стукнула задними ногами по трухлявому стволу и, похрапывая, понеслась по поляне. Андрей восторженно похлопал ее по шее.

— Ну как? — не без хвастовства спросил он, подъезжая к Еле.

Девушка посмотрела на него с укоризной.

— У тебя всегда дикие забавы. Мне казалось, что ты вот-вот убьешься. Не понимаю, что тут интересного!

Еля не захотела признаться в том, что ей понравился сумасбродный прыжок Андрея через тополь. «Скажи этому дикарю, что мне нравится, он еще что-нибудь выкинет»,— подумала она.

Возвращались они молча. Еля ожидала, что Андрей, как всегда это бывало, как только они оставались наедине, заговорит с ней о любви. Еле даже хотелось этого, потому что ее трогало искреннее чувство Андрея и ей было приятно, что он, презирая и высмеивая других девчонок, к ней, Еле, относится с такой скрытой нежностью и предупредительностью. Она ехала, незаметно поглядывая на него, и думала уверенно: «Конечно, заговорит... Вот проедет несколько шагов и обязательно заговорит об этом...»

Но Андрей молчал. Ему хотелось сказать о том, что он не может представить свою жизнь без Ели и потому подавлен предстоящей разлукой с ней. Напрасно подбирал Андрей слова, которые должны были раскрыть его чувства,— все слова казались ему пустыми, не такими, как надо. Он ехал, тихонько помахивая плетью, даже боялся смотреть в сторону Ели, хотя лошади шли бок о бок и Андрей не только видел белевшее в темноте елино платье, но его колено прикасалось к ее колену.

У ворот он помог Еле сойти с лошади, проводил ее до крыльца, а сам повел лошадей к колодцу. Возле колодца с ним встретился Колька Турчак. Они постояли, покурили.

— Видали наши девки твою кралю,— ухмыльнулся Колька.

— Ну и что? — настороженно спросил Андрей.

— Да ничего, видная, говорят, и с лица белая, только, мол, юбку носит не того, дюже заголяется.

— Крепко там они понимают,— огрызнулся Андрей,— в городе все такие юбки носят...

Вначале Андрею казалось, что ему будет стыдно при мысли о том, что все знают о его любви к Еле, но вот об этом узнали не только отец и мать, но и огнищане, и Андрей радостно подумал, что ему не только не стыдно, но что, наоборот, он стал казаться себе и другим взрослее, лучше и что, наверное, это понимают все.

После ужина, когда все ушли спать, Андрей и Еля остались одни. Еля, сняв туфли и поджав босые ноги, сидела на топчане, Андрей — на корточках у печки. Лампу Настасья Мартыновна унесла с собой. В печке, слабо дымя, догорали кизяки. Полутемная комната была освещена красноватыми отблесками неяркого пламени и ровным белым светом луны.

— Что ж ты молчишь? — задумчиво спросила Еля.— Или тебе на прощание нечего сказать мне?

Андрей сунул в жар отломанный от веника прутик, зажег папиросу.

— Ты же знаешь наперед, о чем я буду говорить, и никогда не отвечаешь мне.— Он жадно затянулся дымом папиросы.— Об одном я хочу тебя попросить, Еля... Понимаешь, если тебе не будет трудно, пришли мне свой городской адрес. Я очень боюсь, что мы можем... что ты можешь...— Сбившись, Андрей безнадежно махнул рукой.— Может так получиться, что мы никогда не увидимся.

— Хорошо, я пришлю тебе адрес,— сказала Еля,— и потом Клава будет знать, где я и что со мной...

Она перебросила косу через плечо, развязала ленту и, мягко шевеля пальцами, стала расплетать волосы. Андрей не сводил с нее глаз. Вот коса расплетена, а разделенные надвое темные елины волосы упали ей на плечи. Вот рука ее потянулась к гребенке.

— Подожди,— сам не узнавая своего голоса, сказал Андрей.

Он присел рядом, заглянул Еле в глаза.

— Ты такая...

— Какая? — слегка отодвинулась Еля.

Андрей умоляюще поднял руку.

— Не надо заплетать волосы... оставь так... хоть на минуту...

И, уже не владея собой, он грубовато, неловко прижал Елю к себе, крепко поцеловал ее в губы, а когда она, отстранившись от него, вытянула руки, стал целовать ее волосы, плечи, шею.

— Пусти. Как не стыдно? — прошептала Еля.— Мама услышит, что она подумает?

Андрей поднялся. Еля с улыбкой смотрела на него.

— Дурной ты какой, честное слово!

Он тоже усмехнулся, облегченно и радостно.

— Ну, прости меня, Ёлка, не сердись...

— Ладно, иди, я буду спать...

На следующий день Андрей увозил Марфу Васильевну и Елю на станцию. С утра он почистил и накормил овсом лошадей, наложил в телегу свежего сена, застелил ковриком рессорную люльку. Делал он все молча, ни с кем не разговаривал, ходил как в воду опущенный. «Что с того, что Еля пришлет мне свой адрес? — думал он.— До города триста верст, разве я смогу поехать туда? А если даже поеду когда-нибудь, то кто знает, когда это будет?»

Погода выдалась пасмурная. До полудня над полями стоял густой туман, потом туман поредел, стал лениво рассеиваться, но солнце так и не показалось из-за серой пелены туч. Хотя дождя не было, холодноватая влага оседала на смазанную дегтем упряжь, скатывалась вниз мелкими каплями, прибивала пыль на дороге.

Свесив ноги, Андрей вслушивался в монотонный перезвон тяжелых колес, в ровное постукивание конских копыт, и в мыслях у него было одно: «Нет, не увижу я больше Елю, никогда не увижу». Он оглядывался, украдкой, чтоб не заметила Марфа Васильевна, смотрел на Елю и опускал голову.

— Что ты такой невеселый, Андрюша? — спросила Марфа Васильевна.— Или с Ёлкой расставаться жалко?

— Я всегда такой,— угрюмо ответил Андрей.

— Почему?

— Просто так...

На станции он привязал лошадей к дереву, помог Солодовым снести вещи, пошел с ними за билетами. Ждать пришлось недолго. Поезд подошел быстро и стоял всего три минуты.

— Прощай, Андрей! — крикнула Еля, задержавшись в дверях уходящего поезда.

Андрей снял фуражку.

— Прощай...

Раздался пронзительный свисток. Голосисто загудел паровоз, загрохотали, заскрипели вагоны. Уже последний вагон исчез за поворотом, не слышно стало шума, а над придорожной посадкой все еще висело, медленно растекаясь, белое облако дыма, и Андрей стоял, держа в руке фуражку.

— Ну, вот и все,— тихо сказал он,— можно [illegible]...

Возле телеги Андрей увидел Ганю Лубяную. Она стояла с корзинкой в руке и попросила подвезти ее в Огнищанку.

— Ладно, садись,— кивнул Андрей.

Когда ехали вдоль леса, он, думая о своем, повернулся к Гане, спросил неожиданно:

— Тебя очень любил этот Юрген Раух? У нас в саду есть тополь, а на нем вырезаны две буквы — имени и фамилии Юргена. Буквы уже зарастают, почти незаметны стали.

— А то не зарастут, что ли? — вздохнула Ганя.— Время им пришло зарасти...

НЕБЫВАЛЫЙ ОХОТНИК

Игорь МУРАТОВ

Ходит лесом дремучим,
Бродит в топях болотных
Северин Чернобривец,
Небывалый охотник.
Дичь вспугнет — не стреляет,
Проследит лишь глазами...
А в зубах носогрейка,
Дробовик за плечами.
Часом взглянет Белянка
С укоризной немою:
«Хоть бы выстрел — как вышли!
Что, хозяин, с тобою!
Время доброе тратим
На таком полеванье...»
На собаку охотник —
Никакого вниманья.
Утки — уйма! — с неделю,
Как на озере сели.
Иль впервые такой он
Странный, бродит без цели?
Километров за двести
Он оставил свой город:
Поохотиться в отпуск
На Зеленых озерах.
Искурил два кисета,
Съел консервов полбанки,—
За добычей ни разу
Не бежала Белянка.
Эх ты, горе-охотник!
Вьются утки с насмешкой:
На заводе ль охота?
В лес пришел — так не мешкай
Но, безмолвный, в раздумье
Он стоит на поляне,
Северин Чернобривец,
Седоусый механик.
С плеч ружьишко снимает,
К удивленью Белянки,
И садится у входа
Старой мшистой землянки.
Здесь когда-то сходились
Квартирьеры районов,
Собирались отряды
На озерах Зеленых.
И на шапках и касках
Звезды алые рдели
И счастливой приметой,
Не сгорая, горели...
Здесь навеки осталась
Его сердца частица:
Здесь впервые заметил:
Черный ус серебрится;
Здесь скончался, вернувшись
Из разведки глубокой,
Его друг — агротехник
Валентин Безбородко...
С лесопилки далекой
Слышен мирный свисточек,
Ранней птахи веселый
Прозвучал голосочек.
Вот и день... Что ж ты медлишь
У землянки, печальный
Северин Чернобривец,
Партизанский начальник?
Уж друзья из колхоза
(Задержался он что-то)
Долгожданного гостя
Ждут, волнуясь, с охоты.
Ты ж сидишь, все покинув.
Фотокарточку вынул,—
Сквозь все бури пронес ты,
Из огня ее вынес
С партбилетом на сердце,
Коммунист Чернобривец.
Словно яблоко — солнце
Над поляной, и стаей
В чащу светлые зайчики
Побежали с медалей,
И, толкнувши соседок:
«Валя, Валечка, Валь...» —
В тишине партизанская
Прозвенела медаль.

Перевел с украинского
С. ОБРАДОВИЧ.

НА ТРАССЕ ГАЗОПРОВОДА

← Гигантская «нить» вместе с чугунными грузилами уложена на дно Дона.

Фото А. Щекочихина и В. Ершова.

Машинист-экскаваторщик В. Ф. Митин.

Опытные электросварщики соединяют «плети» труб в одну сплошную «нитку».

Осенью минувшего года в ставропольские и донские степи пришли экскаваторщики, сварщики, каменщики, подводники, трубоукладчики, бульдозеристы. Среди них были и те, кто трудился на строительстве Волго-Дона.

Степь огласилась неумолчным рокотом мощных машин, вспыхивали огоньки электросварок. Далеко за горизонт протянулись, точно гигантские гусеницы, бледножелтые цепочки труб, а поток их все не прекращался, порой они выгружались из железнодорожных составов прямо в степи. На дорогах появились двенадцатитонные автомашины с прицепами, груженные трубами огромного диаметра.

Так начиналось строительство первой сверхмощной газовой магистрали Ставрополь — Ростов — Воронеж — Москва. Ее протяженность — почти 1 500 километров. Такого грандиозного газопровода нет во всей Европе.

Это одна из крупнейших строек нашей страны. За сравнительно непродолжительное время этот и другие газопроводы позволят газифицировать 132 города, в том числе Ростов, Таганрог, Жданов, Ворошиловград, Воронеж, Курск.

В сотнях тысяч квартир вспыхнет голубое газовое пламя; им будут пользоваться более двухсотпятидесяти крупных предприятий, многие колхозы и совхозы. Химические заводы получат дешевое сырье для производства ценных химических продуктов.

На трассе горячие, напряженные дни. Газопроводцы решили закончить первую очередь магистральных работ не в 1956 году, как предполагалось, а гораздо раньше: ставропольский газ будет дан Ростову уже к 5 декабря нынешнего года — Дню Конституции СССР.

— Это будет наш подарок XX съезду Коммунистической партии,— сказали газопроводцы.

Идут ли проливные дожди, когда гусеницы и ковш экскаватора то и дело обрастают комьями липкого чернозема, дует ли испепеляющий «астраханец», нещадно ли палит южное солнце, опытный машинист-экскаваторщик коммунист Владимир Филиппович Митин не снижает темпа.

И надо видеть, как он работает! Мощный экскаватор в его опытных руках с непостижимой быстротой совершает все операции: в одну минуту четыре — пять раз опускается громадный ковш, захватывает землю, приподнимает, разворачивается и высыпает грунт на бровку. При норме прохода экскаватором за смену шестьсот метров машина проходила одну тысячу шестьсот метров.

Владимир Митин недавно перешел на спаренную работу двумя новыми агрегатами: один роторный экскаватор ведет он сам, другой доверил своему ученику, практиканту комсомольцу Геннадию Уголкову.

Рядом трудятся сварщики-автоматчики. Имена Ярослава Шмидта и его подручной Любови Степаненко, братьев Виктора и Алексея Горшковых, Федора Омельяненко и других известны по всей трассе. Получили они полуавтомат для сварки труб, сконструированный в Институте электросварки имени Е. О. Патона при Академии наук УССР. Хорошая машина, умная. То, что делалось прежде вручную за три дня с затратой больших физических усилий, теперь совершается за восемь часов. Несколько труб соединяются монтажниками в единую «плеть» длиной в 36 метров и поступают к электросварщикам, которые накладывают швы на стыки — зазоры между трубами в 2,5—3 миллиметра, оставленные монтажниками.

— Добрая работа,— с одобрением отзываются о «плетях» Ярослава Шмидта.

Хорош полуавтомат, но сварщики не успокаиваются. Они спрашивают: почему надо при сварке поворачивать тяжелую трубу довольно примитивными приспособлениями? Задумался над этим и электросварщик Николай Лепехин и сконструировал специальный вращатель труб.

«Плеть» за «плетью» поступает на трассу, где опытные сварщики соединяют их в одну сплошную «нитку».

Пятьдесят тысяч стыков соединили сварщики только на участке Ставрополь — Ростов-на-Дону.

Механизированная колонна, вооруженная очистными и изоляционными машинами, приступает к следующей операции. Колонну возглавляет опытный механик Алексей Шишков.

Оригинальные машины скребками и стальными щетками снимают ржавчину, покрывают металл специальным составом и битумной мастикой: они надежно предохраняют трубы от коррозии. Машина тщательно «пеленает» гигантскую «нить» труб лентами из специальной бумаги. Все должно быть сделано отменно, на долгие годы. Старший лаборант Юрий Кулешов и лаборант Августа Шакина придирчиво осматривают дефектоскопом трубы.

С особой тщательностью изолируют трубы на солончаках, в поймах рек, в болотистых местах.

Трубные «нитки» готовы. Машины, имеющиеся в распоряжении трубоукладчиков, металлическими полотенцами обхватывают «нитку»; вот она уже в воздухе и затем послушно ложится в глубокую траншею, которую быстро и надежно засыпает бульдозерист. Лишь свежий след напоминает о большом труде газопроводцев.

На первой линии трассы, от Ставрополя до Ростова-на-Дону, на протяжении почти 300 километров, уложено более 50 тысяч тонн стальных труб диаметром в 720 миллиметров. В такой трубе свободно мог бы поместиться пятилетний казачонок.

«Здравствуй, наш тихий Дон!» — сказали подводники, прибыв сюда для того, чтобы перекинуть «ниточку» труб через реку у станицы Аксайской. Это была нелегкая задача.

На правом берегу Дона, возле станицы Аксайской, трасса шла через место древней стоянки наших предков. Надо было видеть, как осторожно действовали здесь газопроводцы. И когда наткнулись они на одну из стоянок древнего человека, сразу же сообщили ученым, которые не замедлили прибыть для раскопок.

А сколько неожиданностей было на дне Дона! Какие-то цепи, металлические фермы, затонувшая во время войны баржа, якоря, нагромождения сплетенных окаменевших коряг...

Все преодолели. Опять помогла техника, в том числе пневматическая грунтоотсосная установка. Три широкие и глубокие траншеи, длиною 500 метров каждая, отрыли водолазы. Особенно отличился Юрий Харчин. При норме 120 кубических метров грунта за смену он с напарниками систематически размывал под водой за смену 285 кубометров.

Мы присутствовали при укладке труб на дно Дона. Полукилометровая стотонная «нить» была уложена на вагонетки узкоколейки и подтягивалась стальным тросом с правого берега Дона мощным трактором «С-80». Через каждые 4 метра на «нити» имелись чугунные грузила в 385 килограммов каждое, чтобы «погасить» ее плавучесть. И вот «нить» медленно, а затем все быстрее и быстрее поползла в Дон и легла на его дне в траншею. Все произошло столь удивительно просто, что мы невольно удивились.

А смуглый от загара инженер Петр Бородавкин, немного волнуясь, как-то торжественно произнес:

— Техника и эти вот золотые руки русских умельцев все сумеют. Ростов, принимай газ! А мы двинемся дальше — к Москве!

Г. ТАНИН

«Нить» укладывается в траншею.

На трассу все прибывают огромные трубы.

Спаренные роторные экскаваторы, на которых работают В. Митин и практикант Г. Уголков

РЕПИН В СТАНИЦЕ ПАШКОВСКОЙ

Работа над картиной «Запорожцы»

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Картину «Запорожцы, сочиняющие письмо к турецкому султану» Репин задумал летом 1878 года. Художник так увлекся этим замыслом, что сразу, не откладывая, сделал первый карандашный эскиз. Тогда же Репин приступил к большой подготовительной работе. С целью собрать материал он предпринял весной 1880 года пятимесячное путешествие по Украине. Вернувшись домой, он вплотную принялся за исполнение картины. Упорная и настойчивая работа над полотном продолжалась — правда, с перерывами — несколько лет. И хотя в начале 1888 года картина еще не была завершена, близкие друзья художника решили, что работа над ней явно подходит к концу,— недаром Репин стал показывать картину даже своим новым знакомым.

Но неожиданно для всех весной 1888 года все переменилось. Как это часто бывало с великим художником, его охватило чувство глубокой неудовлетворенности, и он не только счел картину незаконченной, но и решил всю ее переработать самым радикальным образом. «Своих «Запорожцев» Репин хочет писать совсем заново»,— извещал В. В. Стасов в июне 1888 года брата Дмитрия. А до того, как взяться за такое сложное и трудоемкое дело, художник нашел нужным поехать за дополнительным материалом. И уже в мае он отправился с сыном Юрием в путешествие, отправился главным образом для того, чтобы побывать на Кубани и попытаться исполнить там этюды с кубанских казаков.

Вполне можно себе представить, почему Репин пришел к решению поехать на Кубань. Ведь типы украинцев были ему издавна хорошо знакомы: на Украине он родился, там же и вырос; в 1876—1877 годах вновь прожил около года в родных местах, а в 1880 и 1881 годах ездил на Украину с единственной целью — отыскивать в народе типы старого казачества и запечатлевать их на холсте. Из этих двух поездок художник вывез огромное количество этюдов, которые были необходимы ему в работе над образами героев. Но теперь, в 1888 году, наново обдумывая картину, Репин решил поискать прототипы запорожцев также и среди кубанских казаков, прямых потомков запорожцев. Известно, что после ликвидации Запорожской Сечи (в 1775 году) часть оставшихся в пределах России сечевиков поселилась между реками Бугом и Днестром; в 1787 году они образовали Черноморское казачье войско. В боевых операциях русско-турецкой войны черноморцы проявили себя с самой лучшей стороны, показав преданность русскому государству и великолепные воинские качества. По окончании войны Екатерина II 30 июня 1792 года подписала указ о переселении черноморских казаков на Кубань в качестве пограничной стражи на новой южной окраине русской державы. Одновременно Черноморскому казачьему войску был передан весь Таманский полуостров и вся земельная площадь по правой стороне реки Кубань от устья до реки Лабы. А в 1860 году из Черноморского и части Кавказского линейного казачьих войск и было образовано Кубанское казачье войско. Репину захотелось познакомиться с боевыми потомками прославленных запорожских казаков, захотелось, конечно, и поработать там над этюдами — вот те причины, которые привели его летом 1888 года на Кубань.

Репин начал путешествие с поездки по Волге, по Дону, по Кавказу; из Владикавказа он направился по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, оттуда в Батум и морем в Новороссийск, а затем в Екатеринодар, где находился войсковой центр кубанского казачества. Приехав туда 6 июня 1888 года, Репин через три дня написал В. В. Стасову: «Екатеринодар весь утонул в зелени: вишневые сады, зажиточные особняки, домики, довольство хорошо влияют на потомков запорожцев; они очень добродушны, гостеприимны и мягки по характеру. Сейчас мы с Юрой едем в Пашковскую станицу. Вчера начальство войсковое очень любезно приняло меня и снабдило всякими открытыми листами на случай недоверия со стороны степных казаков». В станице Пашковской, которая привлекла Репина, проживали на покое многие потомственные воины, участники Крымской войны, прославленные храбрецы и георгиевские кавалеры. К тому же Пашковская была расположена близко от Екатеринодара, и туда удобно было проехать.

В литературе, посвященной творческой биографии Репина, его поездка в станицу Пашковскую и работа там над этюдами ни разу должным образом не освещались. А в тех редких случаях, когда вскользь и мимоходом о ней все-таки была речь, получалась путаница. Так, авторы комментариев к переписке Репина со Стасовым выдвинули версию, будто художник ездил в Пашковскую трижды: в 1878, 1881 и 1888 годах (см. т. II, стр. 268). Происхождение такой ошибки вполне ясно: передавая в другие руки спустя 30—40 лет созданные в этой станице этюды, Репин датировал их по памяти и поэтому иногда ошибался, в частности, на одном из них он неточно пометил: «1878», на другом — «1881». Эти легко поддающиеся исправлению явные неточности и привели исследователей к неправильному выводу о троекратной поездке художника в Пашковскую. Что же касается относящихся к этой поездке этюдов, то они никогда еще не являлись предметом научной публикации.

Этюд И. Е. Репина (рисунок) к картине «Запорожцы». Исполнено в станице Пашковской 14 июня 1888 года. Государственный Русский музей. Ленинград

Пытаясь восполнить этот пробел, прежде всего укажем, что в результате наших розысков было обнаружено девять этюдов, написанных в станице Пашковской. Семь из них хранятся в различных музеях нашей страны, один в частной коллекции, а девятый этюд, полвека назад также находившийся в частном владении и ныне утраченный, нам удалось разыскать в репродукции на страницах одного дореволюционного журнала. Пять этюдов исполнены карандашом, три — акварелью и один — масляными красками.

Большая часть этюдов имеет авторские пометки, указывающие не только место, но и день их создания. Судя по такой пометке, наиболее ранней из выявленных работ является акварель, хранящаяся в музее-квартире И. И. Бродского в Ленинграде. «Ст. Пашковская. 12 июня»,— надписал на ней Репин карандашом, а выше указал: «Демьян Иванович Онищенко. 1852—64» (цифры означают годы военной службы: кубанские казаки служили тогда двенадцать лет). Именно на этой акварели Репин, через много лет передавая ее какому-то коллекционеру, чернилами пометил неправильно «1881». Этюд привлекателен удачной характеристикой: задумчивое лицо старого казака выражает ум и сильную волю.

Следующим днем, 13 июня, датирована акварель, принадлежащая Русскому музею. Репин изобразил здесь, как явствует из его надписи, пластуна Макара Симака, участника обороны Севастополя. Художник превосходно передал поджарую фигуру Симака, его загорелое лицо, умудренный жизненным опытом взгляд; бесспорны и чисто живописные качества акварели. Все это делает ее одним из наиболее интересных произведений, созданных в кубанской станице. Быть может, в тот же день Репин исполнил и другую акварель, на которой изображен в профиль кубанский казак Парамон Николаевич Белый. На акварели одновременно с подписью художник пометил только год: «88». Она хранится также в Русском музее.

Два карандашных этюда имеют ту же дату — 13 июня. На одном из них зарисован Василий Маркович Олешко. По мастерству психологической характеристики этюд этот лучший из тех, что были исполнены в Пашковской. Насколько живо запечатлен внешний облик этого простого кубанского казака, жизнелюбца и острослова, чудесно передана его улыбка! Великолепно, немногими штрихами намечены могучие плечи. И вместе с тем какая свобода в рисунке, какая музыкальность в его тонких линиях! Под рукой гениального художника карандашный этюд приобрел такое богатство тона, такую живописную насыщенность, как если бы он был написан масляными красками. По выразительности и по художественному совершенству рисунок этот из наиболее запоминающихся в огромном графическом наследии Репина. К сожалению, нет

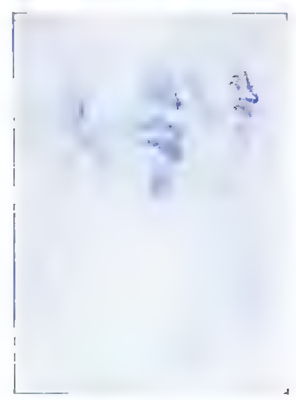

И. Е. Репин (1844—1930). БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ. 1870—1873 гг.

Государственный Русский музей.

«Огонек». 1955.

Этюды И. Е. Репина к картине «Запорожцы». Исполнены в станице Пашковской в июне 1888 г. Верхний этюд хранится в Музее-квартире И. И. Бродского (Ленинград), средний — в Воронежском музее изобразительных искусств, нижний — в Русском музее (Ленинград).

И. Е. Репин. ЗАПОРОЖЦЫ. 1880—1891 гг. (Эскиз).
Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. ОТКАЗ ОТ ИСПОВЕДИ. 1879—1885 гг. Государственная Третьяковская галерея.

никаких сведений о его нынешнем местонахождении: в конце прошлого века рисунок принадлежал петербургскому издателю А. Ф. Марксу и был опубликован в № 25 его журнала «Нива» за 1899 год.

Другой рисунок, также исполненный 13 июня, изображает Антона Герасимовича Архипенко, убеленного сединами боевого казака, кавалера пяти орденов и медалей. Его фигура на этом листе кажется рельефной — настолько полновесно художник сумел передать ее дородность. Превосходно нарисованы глаза — маленькие, острые и вместе с тем веселые и добродушные. Лист этот экспонируется в Русском музее.

Великолепная портретная зарисовка пластуна Прокофия Демьяновича Лебедева помечена 14 июня. Именно на ней Репин четверть века спустя по ошибке проставил «1878» вместо «1888». Этюд принадлежит Государственной картинной галерее Армении. Это один из тех отличных по тонкости, жизненной верности этюдов, которые и создают славу Репина-рисовальщика. Большая удача большого мастера — вот что хочется сказать, когда рассматриваешь оригинал.

Другой этюд (выполненный в один день с предыдущим) изображает кубанского казака Ивана Федоровича Шрамко. В отличие от рассмотренных этюдов, где художник, поставив перед собой задачу психологическую, давал крупным планом лица, в зарисовке Шрамко он задался целью изобразить фигуру сидящего казака. А так как рисунок этот был сделан на листе того же формата (средний размер каждого этюда — 30 × 22 см), то голову на этюде Шрамко пришлось соответственно масштабу уменьшить и тем самым от углубленной характеристики отказаться. Этюд Шрамко небезинтересен как свидетельство того, что вплоть до 1888 года Репин был занят поисками поз сидящих казаков. Находится рисунок в Русском музее.

Совсем иная цель была у художника, когда он делал двойную зарисовку смеющегося казака, ныне принадлежащую Воронежскому музею изобразительных искусств. Репин пытался передать смеющееся лицо в раккурсе, и это вполне ему удалось, особенно в том наброске, который дан на первом плане.

И, наконец, последний из известных нам этюдов тех дней выполнен масляными красками. Он тоже не лишен интереса: характерное, сосредоточенное лицо кубанского казака показалось художнику настолько примечательным, что он решил запечатлеть и его для своей галереи потомков запорожцев, галереи, которую накапливал долгие годы и в которой черпал материал для создания образов картины. Хранится этот этюд в частном собрании в Москве (датируя его много лет спустя, художник опять допустил ошибку: «1887» вместо «1888»).

Девять этюдов, которые нам удалось выявить,— конечно, лишь часть того, что было сделано в станице Пашковской. Совершенно несомненно, что еще некоторые тогдашние этюды имеются в зарубежных государственных и частных собраниях.

Как писал Репин Стасову из Екатеринодара, он собирался пробыть на Кубани около трех недель. Но какие-то обстоятельства,— повидимому, семейные — помешали ему продолжить работу над этюдами. И хотя Репин явно делал ее с большим увлечением, он вынужден был 15 июня вернуться в Екатеринодар, чтобы оттуда ехать домой. Но случилось так, что именно в этот вечер в лучшем концертном зале города состоялся концерт известного тогда украинского певца П. Н. Гордовского с капеллою. Этот превосходный концерт малороссийской песни не мог не взволновать присутствовавшего на нем Репина, да и костюмы запорожских казаков XVII—XVIII веков, в которые были одеты участники капеллы, несомненно, заинтересовали художника, жившего тогда мыслями о своей монументальной картине.

На следующий день Репин уехал из Екатеринодара. 18 июня вышел очередной номер еженедельной газеты «Кубанские областные ведомости», в котором была напечатана следующая заметка: «Известный художник Репин, приехавший в Кубанскую область для снятия в станицах бывшего Черноморского войска характерных типов к задуманной им картине из быта Запорожской Сечи, 16 июня выехал по железной дороге в Россию».

Как сообщает в своем дневнике писатель А. В. Жиркевич, Репин с удовлетворением рассказывал друзьям о Кубани, «о типах казаков, которых он набросал».

Какое значение имела поездка в станицу Пашковскую для создания «Запорожцев»? Прежде всего живая натура всегда очень обогащала искусство Репина и неизменно составляла основу его работы над любой картиной. И даже в исторических полотнах художник доводил до полной выразительности каждую фигуру лишь тогда, когда отталкивался от реального прототипа. Он говорил: «Задумав картину, я всегда искал в жизни таких людей, у которых в фигуре, в чертах лица выразилось бы то, что мне нужно для моей картины». Это, разумеется, вовсе не значит, что Репин механически вводил в картину материал этюда, что он ограничивался точным копированием и наделял персонажи своих исторических полотен внешностью или внутренней характеристикой модели. Путем накапливания большого количества взятых из жизни и наиболее подходящих для задуманной фигуры особенностей облика, позы, поведения и жеста Репин, как всякий крупный творец, создавал образ, обобщающий многие этюды и многолетние жизненные наблюдения. Работа в Пашковской станице и общение с простыми казаками, потомками запорожцев, обогатили художника, а новый и разнообразный этюдный материал, привезенный оттуда, помог углубить и конкретизировать образы картины. Поездка эта обострила интерес Репина к своему монументальному полотну и вдохновила на дальнейшую работу: вернувшись из Кубани, он сразу же с удвоенной энергией принялся за переработку «Запорожцев».

Огромное увлечение, с каким Репин осенью 1888 года трудился над любимой картиной, отразилось в письме, отправленном ему Стасовым 23 ноября. В этот день Стасов посетил мастерскую художника, и они совместно обсудили все новое, что вводилось в картину. В письме продолжается горячий разговор, который так и не закончился в мастерской. Выясняется, что в картине был «музыкант, тренькающий небрежно на бандуре»; Стасов решительно предлагает «уничтожить» его и ввести другие персонажи. И Репин вскоре убирает музыканта, как, впрочем, убирает в дальнейшем ряд других полностью завершенных фигур. А еще через три месяца — в феврале 1889 года — художник показывает картину Н. С. Лескову. И опять интереснейший разговор о «Запорожцах» был продолжен ими в письмах. Возражая писателю, несправедливо усмотревшему в картине недостаток идейности, Репин замечательно изложил свое отношение к идейному началу в искусстве и разъяснил, какую именно идею он положил в основу «Запорожцев».

«Я должен Вам признаться,— писал Репин Лескову,— что я и в «Запорожцах» имел идею. И в истории народов и в памятниках искусства, особенно в устройстве городов, архитектуры меня привлекали всегда моменты проявления всеобщей жизни горожан, ассоциаций; более всего в республиканском строе, конечно. В каждой мелочи, оставшейся от этих эпох, виден, чувствуется необыкновенный подъем духа, энергии: все делается даровито, энергично... наше Запорожье меня восхищает этой свободой, этим подъемом рыцарского духа. Удалые силы русского народа отреклись от житейских благ и основали равноправное братство на защиту лучших своих принципов веры православной и личности человеческой. Теперь это покажется устарелыми словами, но тогда, в то время, когда целыми тысячами славяне уводились в рабство сильными мусульманами, когда была поругана религия, честь и свобода — это была страшно животрепещущая идея».

Примерно через полгода художник показал картину двум другим писателям: сначала А. И. Эртелю, а затем Н. Н. Златовратскому, и они обменялись между собой восторженными отзывами. «Очень рад, что удалось познакомиться с И. Е. Репиным,— писал Златовратский Эртелю.— Просидел у него целый вечер. Он был очень любезен, показал свою студию и всё в ней находящееся. Любовался и восхищался его новым шедевром — «Запорожцами, пишущими письмо султану». Картина еще не кончена, но какая прелесть, какая сила, разнообразие, оригинальность типов! Какая жизнь, движение в картине!.. Просто кажется, живешь вместе с ней... Когда пересмотришь предварительные этюды, целую кучу голов и фигур, когда сравнишь первые наброски картины с последним — только тут поймешь, какой он вдумчивый и глубокий художник!» (Не издано; Институт русской литературы. Ленинград.)

Этюд И. Е. Репина (рисунок) к картине «Запорожцы». Исполнено в станице Пашковской в июне 1888 года. Государственный Русский музей.

В марте 1890 года «Запорожцев» смотрел художник Н. И. Мурашко, близкий товарищ Репина по академии. Сохранилось письмо, в котором он так высказывается о картине: «Как она удивительно скомпонована! Вы подходите к картине, и кончено, Вы как бы участвуете в этой толпе: это не сцена, развернутая перед Вашими глазами, нет, это толпа плотно обступила строчащего писаря, и Вы неминуемо прибавляетесь к толпе, и тут перед Вами все эти живые хохочущие типы». Описав некоторых персонажей картины, Мурашко далее утверждает: «Верю и чувствую, что это — одно из лучших произведений Репина и лучшее в произведениях всей Европы. Оно имеет и серьезный смысл и значение. Да, это типы прочувствованные, обдуманные, пережитые и созданные. Таких картин всегда и везде не бывает много». (Не издано; Государственный музей украинского искусства. Киев.) А Стасов, называя 25 августа 1890 года в письме к родным «Запорожцев» «вещью капитальною на всю Европу», писал, что картина «великолепна, изумительна, он там в последнее время наделал таких усовершенствований и по краске, и по группировке, и еще более по глубине типов и выражений, что это просто первая из всех русских картин». (Не издано; Институт русской литературы. Ленинград.)

Но, невзирая на такие отзывы, знаменитый своей взыскательностью художник еще на протяжении целого года дорабатывал картину и лишь в ноябре 1891 года показал ее на своей первой персональной выставке в Петербурге, где все друзья русского национального искусства оценили ее как новый триумф репинского гения.

---

29 сентября 1955 года исполняется двадцать пять лет со дня смерти Ильи Ефимовича Репина. И в ряду тех его замечательных созданий, которые в этот день еще и еще раз будут вспоминать миллионы советских людей, одно из первых мест занимает картина «Запорожцы, сочиняющие письмо к турецкому султану».

На реке Ангаре.

Дружеская рука

Ник. КРУЖКОВ

1

— А ведь совсем недавно я на этом месте охотился, — сказал мой спутник, старый житель края Сергей Иванович Лукин. — Зайцы здесь водились в изобилии. И лисы. Не верите?

Мы стояли в центре большого и красивого города. Резво бежал трамвай, толстые автобусы рычали на прохожих, потоки людей пересекали перекрестки, девушка-милиционер в белоснежном кителе взмахом руки то останавливала движение, то вновь открывала незримые шлюзы; дома, освещенные горячим полуденным солнцем, бросали короткие тени на асфальт тротуаров, улицы уходили точными, строгими линиями в стороны от центра; зеленел соснами и пестрел газонами ярких цветов городской бульвар, на нем играли дети под присмотром матерей, бабушек и нянек. Словом, это был город как полагается.

— Не верю! — ответил я. — Вы, наверное, Сергей Иванович, как все охотники, любите приврать...

— Приврать я, конечно, могу, — согласился мой спутник, — но в данном случае это чистая правда!

Я и сам знал, что это чистая правда.

Город возник с неслыханной быстротой. Каких-нибудь шесть — семь лет назад здесь, у реки Китой, шумела тайга, самая настоящая, такая же, какая сейчас шумит верст за 20 от города. И сюда из Иркутска наезжали любители пострелять, гоняли зайчишек, а ежели повезет, то и диких коз. Ничего удивительного не было в том, что Сергей Иванович стрелял из своей прославленной тульской двустволки как раз в том месте, где девушка-милиционер регулирует уличное движение.

Но вот пришли люди, начали валить лес, рыть котлованы, воздвигать здания; пустынные берега Китой-реки огласились шумом и грохотом стройки, долгие сибирские ночи озарились тысячами огней — и вот родился город, сперва в виде рабочего поселка, а потом раскинулся в стороны на немалое пространство, запросто вобрал в себя подвернувшуюся под руку деревню Китой и громким голосом объявил о своем существовании:

— Я город Ангарск!

В своем развитии город не задерживался, рос стремительно и так же стремительно растет сейчас. И уже появились у него свои пригороды — поселки Майск, имени Куйбышева, имени Щербакова, имени Дзержинского, и уже протяженность города достигла доброго десятка километров, и уже дымят пять труб мощной ТЭЦ.

Город Ангарск — еще младенец по возрасту, но старому Иркутску — столице Восточной Сибири — приходится поглядывать на него с некоторой завистью.

Это многолюдный большой город, хоть он только недавно появился на карте; третьеразрядную станцию Китой можно было найти, а Ангарск — нет. Такое явление в нашей стране нередко: географы не поспевают за строителями.

Первоначально намеченные рубежи города давно уже пройдены, оставлены позади: года два назад ангарцы с гордостью показывали свой отличный техникум, кинотеатр, рабочие клубы, высокие и светлые школы, а теперь уже и гостиница готова первоклассная, какой и в Иркутске не сыщешь, и больничный городок с высокими, светлыми корпусами, и Дворец культуры с такой сценой и зрительным залом, каким, пожалуй, позавидуют многие московские театры. Город растет, возникают новые улицы; скоро приступают ангарцы к строительству большого вокзала. Еще года два — три, и не узнать будет нынешнего Ангарска!

2

Город стоит у реки Китой, но величавая Ангара совсем рядом, она-то и дала свое прекрасное имя этому городу. Старые сибирские села лежат у берегов Ангары,— испокон веков русские люди в своем движении к Тихому океану селились вдоль рек, — и могучая Ангара является как бы стержнем огромного Восточно-Сибирского края.

В крае этом, в котором с успехом разместятся Франция, Германия и Италия, вместе взятые, строятся исполинские электростанции, возникают новые заводы, фабрики, предприятия. Уголь, нефть, золото, железо, бокситы, несметные лесные богатства — все есть в Восточной Сибири. В старых сибирских селах развились и укрепились колхозы, они расширяют посевы хлебов, множат поголовье скота, развивают промышленное огородничество. Задачи перед ними стоят громаднейшие — надо прокормить свой край, дать хлеб промышленным и строительным рабочим. Село идет на помощь городу, а город — селу.

Ангарск — город молодой, но сил в нем много, и силы эти он отдает не только строительству и промышленности, но и селу. Над тремя районами края шефствует Ангарск — Кировским, Боханским и Осинским, — и шефствует добросовестно, как и полагается социалистическому городу.

В 1955 году Ангарск дал для Восточной Сибири 37 председателей колхозов. Анна Николаевна Ткачева, в недавнем прошлом секретарь парторганизации, беспартийный инженер Владимир Иванович Никонов, комсомолец-инженер Александр Николаевич Мезенцев — они, да и все ангарские посланцы завоевали среди крестьян заслуженный авторитет.

Вот сейчас идет уборка хлебов, и около пяти тысяч ангарцев поехало помогать колхозам своих подшефных районов. Земли у сибирских колхозов много, и земля богатая, добрая, а вот людей, рабочих рук, всегда не хватает. И помощь города людьми, машинами позарез необходима.

Ангарцы шефствуют над селом в большом масштабе. Кроме постройки силосных башен, коровников, теплиц и прочего, они еще выполняют и важное правительственное задание: строят пять крупных машинно-тракторных станций.

II

Густым лесом пробирались мы к Большой Елани — старому сибирскому селу. Жаркое солнце обливало зноем таежные поляны. Они были очень красивы в обрамлении стройных сосен, этих пальм севера, раскрашенные россыпью цветов, наполненные жужжанием пчел и тихим шелестом крыльев бесчисленных бабочек. Дорога то поднималась в гору, то, делая крутой поворот, падала вниз. Каждая проходившая машина оставляла после себя густую тучу песчаной пыли: кругом в этой стороне пески... Но вот лес стал редеть, развернулась широкая панорама полей, и между двумя увалами мы увидели большое село.

— Вот она, Елань! — сказал инженер Илья Романович Шумакевич, ехавший с нами проверять свой «объект». — Я вам советую взглянуть направо.

Направо раскинулись корпуса новой, сверкающей железом и шифером крыш Больше-Еланской МТС, построенной ангарцами под руководством инженера Шумакевича, — этим и объяснялся повышенный интерес Ильи Романовича к правой стороне пейзажа.

О строительстве Больше-Еланской МТС, первая очередь которой сдана в эксплуатацию еще в прошлом году, Илья Романович рассказывает с явным удовольствием: нравится ему эта МТС, много вложено в это дело труда, зато МТС получилась на славу.

— Поглядите, какая механическая мастерская! Впору любому заводу. А котельная? А гаражи для комбайнов, тракторов, автомашин, трансформаторная, контора, жилые дома, насосные сооружения — все солидно, прочно. Здесь, правда, и раньше была МТС, но какая? Видите эти завалюшки, покосившиеся набок? Вот и вся МТС. Большая Елань рядом. Колхозники приходили к нам, смотрели, как мы строим, покачивали головами: «Здорово однако...» Смотрели, похваливали нас, ангарцев.

Директор новой Больше-Еланской МТС Михаил Евдокимович Вильчинский, родом кубанец, говорит:

— Дело и правда немалое. Обслуживаем мы теперь 10 колхозов, обрабатываем 11 500 гектаров посевной площади; 37 комбайнов и 85 тракторов — наш парк... Простор здесь и ширь, как у нас на Кубани. Сибиряк я недавний, люблю свою золотую Кубань, но и о Сибири ничего плохого сказать не могу. Земля добрая, только работай. А летом солнце-то какое! Жжет, как у нас в Брюховецкой...

Свои лирические размышления директор прервал совершенно неожиданно, внезапно напав на Шумакевича. Нужно строить водонапорную башню — вот в чем дело!

— И не отговаривайтесь, Илья Романович. Все равно не отвертитесь. Заранее знаю, что вы мне скажете: рабочих рук не хватает, нужно еще четыре машинно-тракторные станции строить.

И в самом деле, Шумакевич, слабо сопротивляясь, сказал:

— Не разорваться же мне!

Брань делу не помеха! Надо думать, что директор и главный инженер обязательно договорятся:

Директор МТС М. Вильчинский (слева) и инженер И. Шумакевич.
Фото В. Пивоварова.

оба они влюблены в Елань, в добрую работу рук своих.

Широка и красива Ангара, река голубой воды, бескрайни ее просторы, живописны берега. То суровые кручи лезут вверх, и шапка валится, если взглянуть на их вершины, то вдруг расступятся горы, и ляжет перед взорами цветущая долина на десять километров вокруг, и в середине ее село и распаханные поля, а потом, глядишь, скопились и вновь разбежались сосны вперемежку с кедрами и елями, и снова воздвиглись кручи. Плывут по Ангаре и ее притокам белоснежные пароходы и катеры с пассажирами, рыжие буксиры, тянущие за собой вереницы барж, — у ангарской пристани теснотища, давка. Куда народ едет? Каменщики, штукатуры, плотники, слесари, прорабы и техники с папками, полными чертежей, с планшетами и полевыми сумками — кого только здесь нет! Ангарцы едут строить МТС.

— Мы в Казачье!

— Мы в Каменку!

— Мы в Буреть!

Колонны, прогоны, балки и фермы, блокощиты для жилых восьмиквартирных домов, различные сборные и железобетонные конструкции — все это производится в Ангарске, на основной строительной площадке, и завозится на места баржами по Ангаре.

Строители Ангарска взяли на себя обязательство закончить строительство и сдать в эксплуатацию в конце 1955 года еще три новые МТС, не считая Больше-Еланской и Бохanской, которая будет окончена в 1956 году.

Старожилы утверждают, что на Ангаре стало куда шумней: Ангарск, новый город, создал это усиленное движение по реке...

Так кольцами, кругами расходится в стороны энергия города, порождая, в свою очередь, усиленное биение пульса в ближних и дальних окрестностях.

* * *

Перед отъездом из Ангарска я еще раз встретился со своим спутником Сергеем Ивановичем — заядлым охотником, страстным патриотом Ангарска.

— Опустошил! — сказал он вместо приветствия...

Признаться, я не сразу понял, о чем идет речь. Померещилось мне почему-то, что Сергей Иванович опустошил окрестности в результате какой-нибудь яростной и дерзкой охотничьей вылазки. Дело, однако, оказалось совсем не в этом.

— Опустошил! Всю свою контору опустошил, — разъяснил он мне. — Предместкома отправил, заместителя главного бухгалтера отправил, плановика отправил, трех слесарей отправил. И завтра сам отправляюсь на недельку...

— Куда, Сергей Иванович?

— В Бохан. На уборочную... У нас в Ангарске такой порядок: каждый должен побывать в деревне и поработать... Не думайте, что с пером в руках, за бумагами. Нет, по-настоящему, как колхозники работают... Это и для моих деятелей полезно: нельзя все время штаны протирать — и для села помощь. Эта партия вернется — других пошлем. Такой у нас утвердился обычай.

Что скажешь, хороший обычай...

Молодой Ангарск протянул крепкую, дружескую руку сибирскому селу. И помощь его ощутительна, зрима, наглядна...

КАНАДЦЫ ХОТЯТ ДРУЖИТЬ С ВАМИ

Джон СТЮАРТ,
редактор газеты «Канадиан трибюн»

Не так давно я сидел вместе с другими приехавшими в СССР канадскими журналистами в ресторане в Ленинграде. Зал был переполнен, и к нашему столику подсели двое молодых людей.

Станислав Николаевич — так звали одного из них — оказался сталеваром с ленинградского завода. Он посмотрел на значок, приколотый к отвороту моего пиджака,— это была национальная канадская эмблема: кленовые листья — и сразу заговорил с нами дружески и непринужденно. С помощью переводчика в течение пяти минут я узнал от Станислава Николаевича об отношении советского народа к войне и миру больше, чем из любой длинной статьи или даже ученого трактата.

— Я сталевар,— сказал наш русский собеседник.— И я считаю, что должен дружить со всеми сталеварами мира. Мне не нужна война. Мне надо, чтобы моя мать дожила свои дни спокойно. Нам, кроме всего прочего, требуется сталь, много стали для машин и тракторов. Передайте это канадским сталеварам и заодно наш русский рабочий привет...

Это лишь один из многих примеров того, что я слышал от десятков людей, с которыми сталкивался во время поездки по Советскому Союзу. И что особенно бросилось мне в глаза: советские люди говорили о мире в тех же самых выражениях, что и тысячи моих соотечественников-канадцев. Сколько канадских ветеранов войны думают так же, как и бывший солдат Станислав Николаевич!

...Как журналист с двадцатипятилетним стажем, я, разумеется, знаю о том, что внешняя политика Советского Союза всегда строилась на принципе мирного сосуществования государств, независимо от их социального устройства. Это не новость, конечно, и для советских читателей, к которым я обращаюсь. К сожалению, однако, есть немало людей в моей стране, которых настойчивая и длительная пропаганда заставила поверить, будто Советский Союз несет военную угрозу для всего мира.

Жаль, что этих моих соотечественников не было со мной 5 августа в большом бело-кремовом зале заседаний Верховного Совета СССР: они могли бы услышать доклад Николая Булганина, слова которого не оставляли ни малейшего сомнения насчет искренних мирных намерений советского народа. Огромный зал был переполнен, в том числе места для дипломатического корпуса. Вокруг меня были гости из Индии, Латинской Америки и других стран. На трибуне президиума в полном составе сидела делегация парламента Югославии. Это было одно из самых волнующих впечатлений моей жизни.

Вскоре, как сообщают канадские газеты, канадская парламентская делегация сможет побывать в этом же зале, а делегация депутатов Верховного Совета будет принята в красивом зале нашей Палаты общин в Оттаве. В сущности, так оно и должно быть. Когда я пишу эти строки, канадские фермеры оказывают советской сельскохозяйственной делегации, гостившей в США, теплый прием — такой же дружеский, какой нам, канадским журналистам, оказан в Москве, Ленинграде и Киеве. Я уверен, что это так, потому что мы — скажу, не хвалясь,— гостеприимный и приветливый народ.

Слушая речь Булганина, я ощущал, что грозовые тучи, нависшие над миром, начинают рассеиваться, что солнце пробивается через их пелену. Меня, как канадского гражданина, охватывала гордость при мысли, что наша Палата общин за день до этого единогласно одобрила результаты Женевского Совещания Глав правительств четырех держав. Это значит, что почти одновременно наши два народа высказались за мир, за дружбу. После восьми лет «холодной войны» канадский и советский парламенты оказались единодушными в важнейшем международном вопросе. Мне было очень приятно чувствовать себя канадцем в этом большом кремлевском зале.

Канаду и Советский Союз связывают и прямые узы кровного братства. В нашей стране проживает чуть ли не миллион человек славянского происхождения, среди них почти половина канадских украинцев. Эти люди были пионерами освоения наших плодородных земель, они строили наши заводы и фабрики и, работая на них, немало сделали, а многие из них отдали свои жизни во второй мировой войне.

Наши народы связаны боевой дружбой, скрепленной кровью. Как известно, около ста тысяч канадских юношей отдали жизнь в двух войнах на земле Франции, сражаясь против германского империализма. Кто в Канаде может забыть Ипр или Верден первой мировой войны! Бессмертным останется для нас подвиг канадцев, героев Дьепа: их смелая высадка проложила путь для второго фронта в Европе против гитлеровских армий. Я полагаю, и наши торговые моряки, прорывавшие немецкую блокаду в Атлантике и доставлявшие военные грузы в Мурманск, вписали почетную страницу в историю Канады.

Моим соотечественникам есть что вспомнить о фашизме. Они помнят о гитлеровском генерале Мейере, который отдал приказ истребить пленных канадцев. Правда, в войне моя родина не подвергалась прямым разрушениям. Наши города не знали авиабомб и застенков гестапо. Есть у нас люди, получившие большие прибыли на войне. Но это не значит, что народ наш собирается искать выхода из экономических трудностей в новой войне. Нет, мы далеки от этого.

Следует напомнить, что над головами канадцев пронеслась радиоактивная пыль от атомных взрывов в пустынях американского штата Невада. Они видят иностранные войска и авиационные базы на своей территории. Они знают, что и их страна, в случае войны, не сможет избежать тяжелых испытаний.

Поэтому канадцы сейчас, как никогда, желают мира, хотят жить в дружбе с народом Советского Союза. Несомненно, отражением таких настроений самых широких кругов канадской общественности является тот факт, что наш министр иностранных дел Л. Б. Пирсон выразил согласие посетить Советский Союз. Когда он объявил, что принимает приглашение В. М. Молотова, наш парламент и весь народ одобрили это с полным единодушием.

...Может ли советский народ, который создал такие величественные и прекрасные ценности, желать войны и захватов?

Я знаю, что многие советские граждане резко критикуют свои недостатки — я сам слышал как они открыто и искренне говорят об этом. Но как житель страны, отличающейся большими природными красотами и естественными богатствами, я скажу: только в Советском Союзе я ощутил до конца, насколько стремление человека к красоте и радости жизни неразрывно связано со стремлением его к миру. Путешествуя по Советскому Союзу — от Ленинграда до Грузии и от Волги до глубин Сибири,— я разговаривал и с крупными деятелями, и с простыми рабочими, и с колхозниками, вступал в беседы и дискуссии с художниками, учителями, учеными, даже с детьми — и видел, как в этой стране новое и красивое упорно вытесняет старое и уродливое, унаследованное от столетий бесправия, нищеты и войн.

Многие на Западе упорно и монотонно твердят о «воинственности» русских. Но может ли народ, отдающий столько труда, таланта и заботы реставрации древних кремлевских соборов, желать их разрушения или гибели памятников искусств других народов? Ответ на эти вопросы напрашивается сам собой. В десятках бесед я убедился: советские люди выше всего уважают мастерство в труде и поэтому умеют ценить и беречь плоды человеческого труда, в том числе труда художника. В Кремле мы видели замечательные сокровища искусства древних русских живописцев — они смело могут соперничать с произведениями итальянских или фламандских мастеров, которые выставлены в Ленинградском Эрмитаже.

Я знаю, многие канадские художники охотно, как выражаются у нас, «оскалили бы глаза», чтобы вкусить от сокровищницы могучего искусства русского народа. Я знаю, что сотни моих соотечественников — учителей, студентов, ученых, врачей, спортсменов — горячо желают увидеть культуру Советского Союза, опирающуюся на историческую культуру русского народа.

Канада и Советский Союз — соседи. Нужды нет, что кратчайшее расстояние между ними лежит через Северный полюс. Мы можем быть хорошими соседями и многому научиться друг у друга. Можем и должны вместе добиваться мира для всех людей.

В Венгрии все играют в

Ник. ЛАВРОВ

(Из блокнота журналиста)

Фото автора.

В журнале «Венгерские новости» мне довелось прочесть статью, которая начиналась с вопроса: чем больше всего знаменита Венгрия? Отвечая на этот вопрос, автор прежде всего назвал футбол, и уже только потом, где-то на четвертом и пятом месте, были помянуты Петефи и Лист. Подобное распределение славы мне показалось несколько сомнительным, но тогда я только что приехал в Будапешт и еще не знал, что такое футбол в Венгрии. А первое знакомство с ним произошло при следующих обстоятельствах.

В Сталинвароше нас пригласил в гости Л. Сас Антал. Это знатный человек города венгерских металлургов, один из первых его строителей. Хозяин повел нас на балкон, чтобы показать панораму молодого Сталинвароша.

Перед балконом, прямо на асфальте улицы, десятка полтора ребятишек азартно гоняли мяч. Из подъезда вышел пожилой мужчина, ведя за руку девочку двух — трех лет. Видимо, они отправлялись на воскресную прогулку, но, дойдя до футболистов, папа остановился. Тщетно дочка тянула его дальше: он уже не мог двинуться с места. Папа жадно следил за игрой, затем стал что-то выкрикивать и, наконец, забыв о дочери, ринулся на мяч с прытью заправского форварда.

Л. Сас Антал произнес несколько укоризненных слов по поводу страсти венгров к футболу, но сам все с большим увлечением смотрел на игру. А на асфальтовом поле с каждой минутой нарастал спортивный азарт. Вдруг наш хозяин закричал: «Обходи его слева, Ласло! Шани, вперед, Шани!» Спохватившись, он махнул рукой, увлек нас в комнату и, как бы извиняясь, сказал:

— В Венгрии вы встретите не много людей, которые бы относились к футболу равнодушно.

Впоследствии мне много раз приходилось убеждаться, насколько был прав сталинварошский доменщик.

..Папа кинулся на мяч.

В Венгрии очень любят и ценят спорт. Народная власть открыла молодежи широкие возможности для занятий всеми видами физической культуры. За последнее время в стране построены отличные стадионы, спортивные залы, бассейны. Количество их растет из года в год. Число людей, регулярно занимающихся спортом, по сравнению с довоенным временем умножилось в десятки раз. Пять лет назад по примеру Советского Союза в стране была введена система сдачи норм на значок «ГТО». И сейчас этот значок имеет каждый десятый гражданин республики.

Наибольшей популярностью пользуется футбол. Это, пожалуй, уже не просто один из видов спорта, а всенародный обычай. Можно без особого преувеличения утверждать, что если встретятся два венгра в возрасте от шести до шестидесяти лет и у них есть пять минут времени, десять квадратных метров свободного пространства и мяч, то они начнут играть в футбол.

Вот о чем говорят официальные данные Венгерского комитета физкультуры и спорта: на десять миллионов населения, включая дряхлых стариков и грудных младенцев, приходится без малого сто тысяч футболистов, причем это только те, кто регулярно тренируется и систематически выступает в состязаниях.

В одно из воскресений мы отправились за город в «Прохладную долину» — излюбленное место отдыха будапештцев. Среди живописных кудрявых холмов за Будой на несколько километров протянулся зеленый луг. Там собралось тысяч пять народу. Из них по крайней мере четыре тысячи играли в футбол. Играли дети, папы, дядюшки и даже мамы. Воротами служили сумки с провизией и бутылки содовой воды. Было здесь и несколько настоящих полей с белыми штангами.

Наш попутчик говорил, улыбаясь:

— По-моему, Венгрия преимущественно состоит из полей пшеничных, кукурузных и футбольных.

Эта шутка вспомнилась нам, когда мы ехали по автомобильной дороге из Будапешта на Сегед. На протяжении пятнадцати километров пути мы насчитали по бокам дороги девять футбольных полей.

Мне довелось побывать во многих уголках страны, но я не помню даже самого маленького населенного пункта, где бы не было хоть одного оборудованного футбольного поля. А председатель сельскохозяйственного кооператива «Сабадшаг» («Свобода») лауреат премии Кошута Андраш Керекеш рассказывал, что на правлении они обсуждают наряду с ходом квадратно-гнездовой посадки кукурузы и свеклы положение дел в своих двух футбольных командах.

В дни состязаний к селу Вигетхаза, где расположен кооператив, на велосипедах и мотоциклах, на телегах и грузовиках съезжаются окрестные крестьяне. Ни дождь, ни слякоть не удержат в этот день дома любителя футбола!

Мы были приглашены на празднование юбилея университета в древний город Веспрем. Университет этот создан уже после освобождения Венгрии и дал стране первый отряд специалистов, успешно работающих на предприятиях республики. В программу праздника, разумеется, был включен и футбол. С утра шел густой, мокрый снег, превращая готические шпили и башни в сказочные декорации. Бушевала настоящая вьюга, последняя вьюга замешкавшейся в этом году зимы. Но в назначенный час судья вызвал на белое поле

футбол

команды университета и местного завода. При каждом ударе игроки вздымали буруны снега, от футболистов шел пар, а вратари то и дело стряхивали с себя белые шапки. На трибунах почтенные профессора, от холода притопывая ногами, из-под зонтов кричали ободряющие слова своей команде. Нет, никакая стихия не может помешать футбольному состязанию!

В селе Тиссаферед нас поместили на ночлег в дом пожилой вдовы. Рассказывая о том и о сем, она между прочим заметила, что футбольный сезон только начался, а ей уже приходится покупать третий зонтик. Заметив недоумение на наших лицах, она пояснила: во всем виновата поздняя дождливая весна. Всякий раз на стадион приходится брать зонтик. Но вдова так бурно переживает перипетии спортивной борьбы, что после двух матчей от нового зонтика остаются одни лоскутья.

Самые крупные и интересные футбольные встречи происходят, разумеется, в столице.

Всякий побывавший в Будапеште непременно поднимается на гору Гелерт, чтобы полюбоваться панорамой этого прекрасного города. Когда глядишь через величественный Дунай на Пешт, то взор прежде всего отмечает готическое здание парламента, купола старого собора и гигантские железобетонные трибуны Народного стадиона. Для Будапешта характерно большое количество башен. На многих из них часы. Но самые большие часы страны установлены на Народном стадионе и показывают футбольное время.

Народный стадион справедливо называют гордостью Будапешта. В сооружении стадиона участвовало тридцать предприятий страны. Пока закончена первая очередь строительства. Но уже и сейчас стадион вмещает почти сто тысяч зрителей. Над трибунами установлены большие щиты. На каждом из них с помощью 7 200 электрических лампочек пишутся названия команд, счет и фамилии игроков, забивших голы. В мощных железобетонных опорах амфитеатра устроены лифты, которые доставляют болельщиков на верхние ярусы.

Обычно на стадионе проводится два состязания. Как только заканчивается одна игра, судья без перерыва и без «разминки» сразу вызывает на поле следующие команды. В перерывах по полю марширует духовой оркестр — военный, полиции, пожарников или железнодорожников. Бравый капельмейстер подводит свой оркестр к одной из трибун, отдает честь публике и, получив заслуженные аплодисменты, ведет свою громыхающую колонну к следующей трибуне.

Наибольшей популярностью пользуются будапештские команды «Гонвед» и «Кинижи». «Гонвед» — команда армейская, а «Кинижи» по всем признакам напоминает наш московский «Спартак». Она, как и «Спартак», имеет многочисленных и преданных почитателей и так же часто их огорчает.

Самые ярые болельщики «Кинижи» почему-то группируются на южной трибуне. Над зрителями на высоких щитах, как боевые штандарты, колышутся спортивные вымпелы общества, и тысячи голосов скандируют: «Хайра, «Кинижи»! Хайра, «Кинижи»!» Поистине нужно быть в отличной спортивной форме, чтобы выдержать девяносто минут этого почти непрерывного скандирования!

— Вы забыли заплатить,— говорит продавец вафель, дергая за ногу болельщика. Но где там помнить о вафлях, когда на поле острый момент!

А возвращаясь со стадиона, на зеленых улицах Будапешта непременно увидишь группы ребят с мячом. Это растет юная смена мастерам венгерского футбола, по праву стяжавшим себе мировую известность.

Мама и сын.

Путешествие «салатницы»

«Салатница» опять пересекла Тихий океан», «Победа австралийских кенгуру» — под такими кричащими заголовками буржуазная спортивная пресса сообщила о том, что в розыгрыше кубка Дэвиса австралийские теннисисты одержали победу над американцами.

Несмотря на большую распространенность тенниса, официального первенства мира по этому виду спорта не проводится. Его заменяют два соревнования международного масштаба — Уимблдонский турнир в Англии (мужское и женское личное первенство) и розыгрыш кубка Дэвиса (командное соревнование среди мужчин). Старинный серебряный кубок по форме напоминает большую салатницу. Отсюда его фамильярное название.

Система розыгрыша кубка Дэвиса весьма своеобразна. Обладатель кубка должен бороться за его сохранение в следующем году только один раз — в финале, который называется «челлендж раунд». Зато остальных претендентов к финалу может привести лишь долгий и трудный путь.

Сначала проводятся игры в зонах с весьма неравномерным по количеству и спортивному уровню составом участников. Например, в этом году за победу в «европейской» зоне боролись 24 команды, в том числе теннисисты Южной Африки, Аргентины, Индии, Чили. В «американской» зоне было 7 команд, в том числе Австралии и Пакистана. А в «азиатской» — только Япония, Филиппины и Бирма.

Победители игр в зонах встретились в межзональном турнире. Сначала играли команды Австралии и Японии — 4 : 0. Затем встретились команды Италии и Австралии. Австралийцы победили со счетом 5 : 0 (состязание состояло из четырех одиночных встреч и одной парной). Им, таким образом, предстояло встретиться в «челлендж раунде» с американцами.

Спортивная пресса США задолго до матча предсказывала своей команде безусловную победу. Так, в сообщении агентства Юнайтед Пресс из Нью-Йорка приводилось «авторитетное» мнение мальчика, подававшего австралийцам мячи во время тренировки. Мальчик заявил: «Они играют, конечно, хорошо. Но победить американцев — все равно, что достать луну с неба».

Соревнованиям на кортах Форест-Хилл предшествовала торжественная церемония жеребьевки, которую проводил в Нью-Йорке государственный секретарь США Даллес. В составе австралийской команды выступали молодые теннисисты Хоуд, Розуэлл и Хартвиг. США представляли Траберт и Сейксас.

Уже первый день принес неудачу американцам. Они проиграли обе одиночные встречи. Особенно напряженной была борьба в парной встрече, которая продолжалась 3 часа! В первой партии победили американцы — 14 : 12. Во второй и третьей партиях они проиграли австралийцам — 4 : 6 и 3 : 6. В четвертой партии американцы снова выиграли — 6 : 3. Таким образом, пятая партия становилась решающей. Австралийцы проявили огромную волю к победе и выиграли со счетом 7 : 5.

Парная встреча, по словам американского журналиста Райяна, «уничтожила надежды теннисистов США на сохранение кубка», так как их противник набрал 3 очка из 5 возможных. Американцы проиграли и две последние одиночные встречи.

Австралийцы взяли реванш за прошлогоднее поражение. И «салатница» снова отправилась в путь.

Дуэли на водных дорожках

Пять лет назад состоялся третий традиционный матч пловцов США и Японии. Тогда американцы выиграли с подавляющим превосходством — счет очков был 46 : 17 в их пользу. Недавно в Токио была проведена четвертая встреча. После трехдневной ожесточенной борьбы американцы, по словам корреспондента агентства Юнайтед Пресс, «утратили мировую гегемонию в плавании». Они проиграли со счетом 35 : 44.

Видимо, японские пловцы сегодня сильнее. Об этом говорит, например, их мировой рекорд в эстафете 4 × 100 м вольным стилем, равный 3 минутам 46,8 секунды (среднее время на каждом этапе — 56,7 секунды). Такие пловцы, как Сузуки, Кимура, Кога, Фурукава, Оно, Ишимото, Нагасава и другие, составят весьма сильную команду на XVI олимпийских играх.

Не менее остро проходит сейчас дуэль между венгерскими и голландскими пловчихами. Встреча двух команд состоялась недавно в Будапеште. Как и следовало ожидать, она ознаменовалась выдающимися результатами. Новые рекорды Венгрии установили: Валерия Дьенге на 400 метров вольным стилем и Рипсима Сеней на 100 метров баттерфляем. Но первенство на обеих дистанциях завоевали не они, а голландки — Балкененде и 14-летняя Ати Воорби. Очень хорошо выступила и их подруга Мари Кок.

Венгерские спортсменки взяли своеобразный реванш, установив новый мировой рекорд в комбинированной эстафете 4 × 100 метров. Ева Пайор, Ева Сеней, Рипсима Сеней и Като Сэке финишировали с результатом 4 минуты 57,8 секунды.

Спортивный обозреватель.

ПРАЗДНИК ТРУДЯЩИХСЯ ПАРИЖА

На одной из полян Венсеннского леса. Выступает народный хор и танцевальный ансамбль.

Николай **ДРАЧИНСКИЙ**

Специальный корреспондент «Огонька»

«Вся Франция—в Венсеннский лес!» Такие афиши появились на улицах Парижа в начале сентября. Они извещали о традиционном осеннем празднике трудящихся в Венсеннском лесу, посвященном газете «Юманите».

Над Парижем стояло ясное воскресное утро, когда мы отправились в Венсеннский лес. Зеркальная гладь красавицы Сены казалась отлитой из голубого стекла. В нее глядедись мосты и старинные здания, многие из которых с детства так знакомы по книгам. За площадью Бастилии ехать стало очень трудно. Широкая улица была до предела запружена машинами. Густая толпа текла по тротуару. Тысячи людей торопились к Венсеннскому лесу.

На входном билете, который я купил у ворот лесопарка, значился номер 549853. А к продавцам билетов все тянулись и тянулись руки.

Бурным шумом праздничного веселья встречал приходящих Венсеннский лес. В этот день его аллеи были превращены в улицы, широкие поляны — в площади. Сотни киосков, павильонов, стендов, выставок привлекали внимание парижан. На многочисленных эстрадах гремели оркестры, звучали самодеятельные хоры, выступали танцевальные группы. Могучие радиорупоры разносили по лесу песни Ива Монтана, Поля Робсона.

Моя спутница, французская журналистка Мадлен Риффо, рассказала о том, как строились все эти павильоны и стенды. По вечерам после работы сюда приходили рабочие парижских фабрик и заводов, служащие контор. Брали в руки заступ, пилу или ведерко с красками. Добровольцев всегда было больше, чем нужно. Каждому хотелось, чтобы стенд его организации, его спортивного общества, профсоюза был как можно лучше и наряднее. Весь этот пестрый карнавальный город возведен самими участниками праздника.

Да и сейчас все, кто обслуживает гуляющих, — это добровольцы.

— Видите того человека в белом халате, который разносит пиво? Думаете, это буфетчик? О, нет! Это токарь с завода «Рено».

Мадлен Риффо продавала прогрессивные газеты.

— За прочный мир! За сохранение духа Женевы! Запретить атомное оружие!— обращалась она к прохожим.

Две тысячи экземпляров были распроданы молниеносно.

— Медам, месье, камарад! Разыгрывается великолепный кувшин из Ниццы! — взывает к прохожим Франческо Нокса.

Это лотерея, каких много на празднике. Женщина, только что выигравшая живую утку, снова тянет билетик. А веселый, экспансивный южанин Франческо, перемежая речь остротами и шутками, предлагает всем попытать счастья. Сам он докер и приехал на праздник из Ниццы. Но разве может он оставаться просто зрителем праздника!

Рядом в книжном киоске торгует восемнадцатилетняя Мишель Крито. Она служит в департаменте по налогам.

В другом книжном киоске мы увидели популярного художника Жана Эйфеля, писателей Луи де Вильфосса и Симону Тери. Они надписывают покупателям свои

Вот за дружеским столом собралась группа жителей Белльвилля — рабочего квартала Парижа. Им подает еду и пиво Ги Сильва — пирожник с кондитерской фабрики. Сегодня он работает, чтоб его друзья могли повеселиться и отдохнуть.

Пробираясь сквозь шумную толпу, мы переходим от одного павильона к другому. Спортивное общество «Народная альпийская группа» соорудило на одной из полян искусственные скалы и показывает альпинистскую технику. Среди публики немало желающих испытать свою ловкость. Неподалеку идут соревнования по бегу, боксу, другим видам спорта.

Особенно много народа у стендов выставки, рассказывающей о жизни Демократической Республики Вьетнам. Прекращение войны в Индокитае — большая победа миролюбивых сил. Вот почему с таким интересом осматривают парижане каждую фотографию.

У стендов выставки, рассказывающей о Демократической Республике Вьетнам.

Неожиданно мы попадаем в настоящий детский городок, раскинувшийся под деревьями. Самые маленькие парижане играют в песочек, ребята постарше смотрят кукольный театр. Да тут целые детские сады и ясли, специально устроенные на время праздника! Няни-добровольцы в белых халатах заботятся о детях, пока их папы и мамы осматривают выставки, слушают концерты, гуляют в лесу.

В середине праздника на большой поляне, украшенной лозунгами и транспарантами, собралась огромная масса людей. К участникам праздника с речью обратился старейший деятель рабочего движения Марсель Кашен. После митинга сотни белых голубей взвиваются к небу. Они пролетают над праздничным Венсеннским лесом, над крышами Парижа как символ мира и дружбы между народами.

Изображение белого голубя, слова «мир» и «Женева» чаще всего встречались на этом празднике.

Вечером, когда зажглись огни иллюминации и вспыхнули фейерверки, мы встретились с рабочим металлургического завода Луи Рему. Бывший солдат французской армии, он был в гитлеровском плену. Его освободили советские воины. От тех времен у него осталось много воспоминаний и одно русское слово, которое он произносит по-своему: «товарич».

— Мы не должны допустить войны,— говорит он, указывая на один из павильонов, вершину которого венчает белый голубь над земным шаром с одной только надписью «Женева», и добавляет: — Это надежда всех честных людей.

Смотрят кукольный театр.

Франческо Нокса разыгрывает кувшин.

«Народная альпийская группа» возвела в Венсеннском лесу искусственные Альпы.

К ПРЕДЕЛАМ СЖАТИЯ

Борис ЛЯПУНОВ

«Путешествие к центру земли» — кто не знает этой книги? Кто не следил за приключениями смелых героев романа Жюля Верна, которые проникли в подземелье нашей планеты? Кратер потухшего вулкана оказался для них дорогой вглубь. А воображение романиста создало там целый подземный мир... Но это лишь выдумка, не более. И если уж отправляться в земные глубины, то не пешком, как жюльверновские путешественники. Ведь опускаясь все глубже и глубже, мы оставили бы над собой огромную толщу и очутились бы в царстве высоких давлений. Считают, что в центре земного шара господствует чудовищное давление — свыше трех миллионов атмосфер!

Что же происходит, когда вещество сжато исполинской силой? Такой вопрос интересует геологов. Да и не только геологов. Достоянием техники стали очень высокие давления — пусть не в сотни тысяч, а в тысячи и десятки тысяч атмосфер. Потому не случайно занимаются ими ученые и инженеры разных стран. Не случайно возникли физика и химия сверхвысоких давлений — новые разделы науки.

В лабораториях уже совершаются путешествия если и не к центру земли, то на большие глубины: словно создается модель земных недр. Правда, надо оговориться, что большое возникает в малом. Сжатию в десятки тысяч атмосфер подвергается крошечный образец. Однако и это может многое дать тому, кто изучает поведение вещества в условиях сверхвысоких давлений. Пользуясь глазами науки — приборами, применяя невидимые рентгеновы лучи, ученый наблюдает, что происходит тогда с веществом.

Наблюдения эти позволили открыть неизвестные ранее явления, новые, удивительные свойства, которых не удавалось ранее встречать. Вот лишь один пример. Лед, который тает только при 175 градусах выше нуля — «горячий» лед, — был получен в лабораториях высоких давлений. Газы, более плотные, чем жидкости, различные формы одного и того же вещества, со своими особыми свойствами, пластичный мрамор, бумага, прозрачная, как стекло, взрывчатка, которая не взрывается, а горит, — таковы некоторые «чудеса» высоких давлений.

Впрочем, дело не в одних только подобных любопытных вещах. Изменений, вызванных высоким давлением, следовало ожидать. Даже если оно и сравнительно невелико, часто случается такое, с чем не может не считаться инженер.

Современная техника применяет высокие давления, как и высокие температуры, скорости, частоты. В турбинах работает перегретый пар, и он, оказывается, уже при десятках атмосфер начинает растворять соли, примеси к воде, которые потом выделяются на лопатках и мешают нормальной работе. Есть паровые котлы, в которых развивается давление в сотни атмосфер.

Металл может заболеть «водородной болезнью» — в него начинает проникать водород, и прочность его снижается. Отсюда недалеко и до взрыва парового котла. Ведь водород разъедает стенки, и это грозит аварией. Нужно знать, как с этим бороться.

Сильно сжатые газы и пары применяются во многих процессах, которые встречаются в химии, металлургии, энергетике.

С помощью давлений обрабатывают металл. С каждым годом растет выпуск мощных прессов для ковочно-штамповочных работ.

Большие давления и температуры вместе участвуют в изготовлении металлокерамики — сплавов, спекаемых из порошков. Порошковая металлургия дает, например, твердые сплавы. Ими режут металлы, из них производят множество деталей для современных машин.

Тысячи атмосфер и десятки тысяч градусов делают невозможное возможным — сплавы, которые раньше не удавалось создать, реакции, которые раньше не удавалось осуществить.

Высокое давление ускоряет химические превращения и помогает получать больше готового продукта. Не удивительно поэтому, что оно участвует в производстве искусственных удобрений, пластмасс и многого другого.

Ярким примером того, каким мощным оружием в руках химиков являются высокие давления, служит история с атмосферным азотом. Он составляет три четверти воздуха. Но, чтобы его использовать, надо было заставить пассивный, инертный азот вступить в соединение, связать его с другими элементами. Одной лишь высокой температуры здесь оказалось недостаточно. Попробовали прибегнуть к ее помощи, чтобы получить окислы азота. Попытка оказалась неудачной, так же, как и попытка получить аммиак — азотно-водородное соединение. Реакции шли слишком медленно. И только тогда, когда применили высокие давления, добились успеха. Миллионы тонн ценнейшего сырья были извлечены из кладовой атмосферы.

Химия высоких давлений служит промышленности, и тысяча атмосфер не редкость на заводах, где возводят постройки из атомов и молекул, создавая полезные, нужные нам вещества.

Но это далеко не все. Вспомним хотя бы про выстрел и взрыв. В канале ствола орудия несколько тысяч атмосфер! Удар снаряда в броню, усилия, возникающие, правда, на короткое время в частях различных механизмов, — примеры высоких давлений, с которыми имеет дело техника наших дней.

Высокими давлениями занимались не только инженеры, но и биологи. Исследовалось, например, влияние сверхвысоких давлений на живые организмы. Оказалось, что некоторые простейшие животные выдерживают давление в несколько тысяч атмосфер, а чтобы убить бактерии, нужны многие тысячи. Возможно, высокие давления откроют новые пути для борьбы с возбудителями болезней. Ими воспользуются, чтобы создать ослабленные культуры бактерий и вирусов для прививок.

Вот почему так велик интерес к высоким давлениям — этой молодой области знаний, чья задача исследовать свойства подвергнутого сжатию вещества. И успехи, достигнутые ею, лишний раз убеждают в том, каким техническим могуществом обладает человек, изучающий и переделывающий мир.

Физика сверхвысоких давлений еще сравнительно молода. Может показаться, что исследования у пределов сжатия имеют лишь чисто научный интерес. Желтый фосфор становится черным, изолятор превращается в проводник, стекло растворяется в воде, жидкость просачивается через сталь — какую, казалось бы, пользу можно извлечь из таких физических парадоксов? И, тем не менее, изучение поведения материалов в условиях сильных сжатий становится одной из важнейших задач современной науки и техники.

Когда-то ядерная физика или теория относительности представлялись «чистой» наукой. Теперь же на их основе выросла ядерная энергетика. Когда-то газовая динамика была лишь отделом теоретической механики, лишенным практического интереса. Теперь же авиация успешно штурмовала звуковой барьер, и это не обошлось без участия аэродинамики больших скоростей.

Так и исследования в области высоких и сверхвысоких давлений отчасти уже сейчас нужны практике и еще больше понадобятся в будущем. Инженер, конструктор, химик, геолог — представители самых различных отраслей техники и науки воспользуются результатами этих исследований.

Как получить высокие давления? Попробуем наметить здесь путь. Повседневная практика подсказывает решение. Немногие знают, что, надавливая на иголку, ударяя по гвоздю, обтачивая резцом металл, мы создаем тысячи и даже десятки тысяч атмосфер. Так получается из-за малости участка, на который действует сила — кончик иголки или гвоздя, режущая кромка резца. Сила приходится на крошечную поверхность, откуда и появляются огромные давления.

Теперь понятно, почему надо взять крошку-образец и крошку-поршень. Поместим образец в установку, где создаются огромные усилия, сосредоточенные на маленькой площади, иными словами, сверхвысокие давления. Конечно, на деле все обстоит гораздо сложнее. Сразу же столкнулись с проблемой номер один — прочностью материала. Когда давят тысячи атмосфер, рвется, не выдерживает даже самая прочная сталь. Не раз из-за этих разрывов результаты напряженного труда гибли в считанные секунды.

Но ведь есть материалы, которые могут лучше, чем сталь, работать в таких тяжелых условиях. Таков, например, победит — твердый сплав, режущий металл. Воспользуемся им, чтобы изготовить сдавливающие поршеньки и камеры, все миниатюрных размеров. Тогда удастся шагнуть вперед по шкале давлений. Кроме того, устроим для камеры снаружи поддержку — стягивают же бочку обручами. Можно сделать несколько камер, вкладываемых одна в другую. А можно поступить иначе: коническую камеру ставят в коническую же поддержку, словно пробку в графин.

Вдавливая камеру внутрь, получим дополнительное давление. И вспомним еще раз природу. Огромные давления не только в толще земли, они и в океанских глубинах. Человек проник туда сначала на километр, а в последние годы много глубже. Французские исследователи опустились на четыре километра в подводный мир.

Вода давит с большой силой. Так попробуем опустить нашу испытательную лабораторию словно на дно океана! Для этого погрузим камеру с образцом в другую, где находится сильно сжатая жидкость.

Сто тысяч атмосфер получено было именно таким путем. Конечно, не обошлось без трудностей. Хитроумные ухищрения конструкторской мысли, инженерное искусство, воплощающее идею в реальную вещь, опыт и чутье экспериментатора помогают двигаться к цели.

Искусственный алмаз.

Профессор Л. Ф. Верещагин (слева) и старший научный сотрудник доктор физико-математических наук Ю. Н. Рябинин у установки для измерения сжимаемости металлов при давлениях до 100 тысяч атмосфер.

Фото Я. Рюмкина.

Почти полвека занимается высокими давлениями американский физик П. Бриджмен, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии. Сложными путями, преодолевая одну трудность за другой, он решал задачу — в лаборатории сравняться с природой, добиться столь высоких сжатий, какие встречаются только в океанских глубинах и недрах земли.

В одном из опытов Бриджмен довел давление почти до полумиллиона атмосфер! Пока что это лишь проба на пути к пределам сжатия. Важно не просто сжатие, нужно еще и измерить давление, изучить явления, а при таких высочайших давлениях пока не удалось провести какие-либо наблюдения.

Однако не менее интересно вести опыты и при более низких давлениях, проникнуть в тайны происходящих тогда явлений и, если возможно, использовать их в практических целях. Необходимо знать, что происходит с веществом при давлениях не в сотни, а в десятки тысяч атмосфер. Этим занимаются физики и за рубежом и у нас в Советском Со- [illegible]

В частности, Бриджмен изучал в послевоенные годы свойства броневой стали, подвергнутой большому давлению. Результаты превзошли все ожидания. Оказалось, что поведение стали совершенно не укладывается в рамки привычных представлений. Она становится чрезвычайно пластичной.

Известно, что прочность металла можно повысить, если вытянуть его в проволоку. Но чтобы она не твердела и не ломалась, ее подвергают нагреву, тепловой обработке. Однако тогда получается замкнутый круг, прочность снова падает. При высоких же давлениях, как показали опыты Бриджмена, происходит улучшение свойств материала, и — что особенно важно — оно сохраняется в некоторой мере потом, при обычных условиях. Нагрев становится уже ненужным.

Правда, все это обнаруживается лишь на небольшом участке — в зоне растяжения, когда образец сильно утоньшается и появляется шейка. Если бы удалось вытянуть этот участок, мы получили бы тончайшую сверхпрочную проволоку. И Бриджмен выдавливал металл под большим давлением, добиваясь повышения его прочности.

Осуществилась давняя мечта: благодаря высокому давлению и высокой температуре получен искусственный алмаз, над чем давно бились ученые. Доктор Герберт М. Стронг, работающий в лаборатории фирмы «Дженерал Электрик», вспоминает, как впервые произошло рождение этих алмазов. После опыта, при котором было создано давление, равное тому, которое господствует на глубине 240 миль, он вдруг обнаружил кусочек какого-то чрезвычайно твердого вещества. «С огромным волнением я вынул кристалл и испытал его,— говорит доктор Стронг.— И все виды испытаний сказали одно: да, это бриллиант!» Правда, придется разочаровать любителей драгоценностей: эти маленькие крупинки желтой воды не годятся для украшений. Им далеко до знаменитых алмазов, хранящихся в сокровищницах многих стран. Но мал золотник, да дорог. В крошечных алмазных камушках нуждается промышленность, и ежегодно миллионы тратились на закупку алмазов для абразивных кругов, для буровых работ. И вот наконец человек начал здесь догонять природу. Он воспроизвел, хотя и не совсем таким путем, то, что совершалось в недрах земли. Давление вместе с температурой оказались волшебниками, создавшими ценности из дешевого сырья.

Я побывал в лаборатории физики сверхвысоких давлений Академии наук СССР, которой руководит лауреат Сталинской премии профессор Московского университета Л. Ф. Верещагин.

В этой лаборатории я видел вещи, которые не могут не удивлять, если задуматься над тем, что могут они значить для техники пусть не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Теория предсказывала, что трубы не выдержат высоких напряжений и разрушатся. Опыты же, проведенные в лаборатории профессора Л. Ф. Верещагина, показали иное: металл при высоких давлениях может быть выносливее, чем думали до сих пор! Тем самым намечаются пути овладения еще не использованными внутренними резервами металла. Нетрудно представить, каково значение этой работы. Ведь трубопроводы, которым приходится выдерживать высокие напряжения, встречаются в технике очень часто!

Сейчас в лаборатории строится установка для изучения сжимаемости при давлениях до ста тысяч атмосфер. Систематически ведутся исследования свойств вещества, подвергнутого сжатию в десятки тысяч атмосфер.

Л. Ф. Верещагин предложил новую установку — гидрокомпрессор высокого давления, который найдет применение и в лаборатории и в промышленности. Это особенно важно для химии, где можно будет перейти к тысячам атмосфер.

Поршневой компрессор нагнетает жидкость, создавая высокое давление не только в маленькой камере, но даже и в очень большом объеме, порядка сотен литров.

При создании этой машины встретились с такой большой трудностью: как избежать утечки жидкости? Ведь поршень делает много ходов в минуту, а давление достигает нескольких тысяч атмосфер! Обычные способы здесь не годятся. Поэтому долго не удавалось построить аппарат сверхвысоких давлений непрерывного действия: клапаны отказывались работать, уплотняющие прокладки быстро изнашивались. И вслед за поршнем уходила сжатая жидкость, давление падало. Профессор Л. Ф. Верещагин нашел оригинальное решение проблемы. Уплотнительная муфта сконструирована так, что надежно закрывает выход жидкости. На помощь здесь призвано само давление. Оно действует на муфту, и жидкость как бы сама себя запирает. Но для этого нужно изготовить все детали по высшему классу точности: их обтачивают, шлифуют, тщательно притирают.

Малейшая неточность грозит аварией. Высокое давление превращает жидкость в вязкую массу, подобную парафину. Металлический шток может разлететься в пыль. Недаром все установки закрыты защитными кожухами, а за их работой наблюдают издали, через смотровое стекло.

По существу, то, что делается в лаборатории сверхвысоких давлений, противоречит обычной инженерной практике. Металл там работает в таких тяжелых условиях, какие никогда не встречаются в привычных наших машинах — сверх всяких пределов и норм!

В одном из отделов лаборатории имеется установка для рентгеновских исследований. С ее помощью удается заглядывать внутрь вещества и наблюдать, что происходит при сжатии с молекулами и атомами. А происходят явления весьма интересные.

Меняется взаимное расположение атомов в кристаллической решетке металла. Сравнивая снимки, сделанные при обычном и высоком давлениях, можно судить о том, как влияет сжатие на внутреннюю структуру вещества.

Американский физик Лаусон обнаружил внезапное сжатие решетки элемента церия,— видимо, в его атомах совершились какие-то изменения, переходы электро- [illegible]

Давление перестраивает вещество, меняет его свойства. Увеличивается, например, вязкость жидкости и газа. Становятся другими электропроводность, растворимость, температура плавления материалов. Стоит, однако, снять давление — и все проходит, становится нормальным.

Можно спросить: а если еще повысить давление, добиться миллионов атмосфер, что будет? Вероятно, атом «сожмется», исчезнут внутренние пустоты. Их там много — ядро в сто тысяч раз меньше самого атома, и в нем сосредоточена почти вся его масса. Смесь из электронов и ядер, вещество чудовищной плотности,— таков, повидимому, ответ. Однако это пока еще область фантастики дальнего прицела.

Но и не забегая так далеко, мы представляем будущее, которое сулят нам высокие давления в технике и науке.

Это новые, неизвестные химические реакции, иными словами, новые, полезные соединения: пластмассы, лекарства, искусственные красители, возможно, искусственная белковая пища.

Это разгадка многих тайн строения нашей планеты, образования минералов, того, что творится в великой лаборатории природы и скрыто от нас под толщей горных пород.

Это новые машины, приборы, аппараты, более мощные и быстроходные, чем теперь, это техника сверхвысоких параметров: давлений, температур, скоростей небывалых еще величин.

Наконец, это новые успехи в борьбе за прочность материалов, значение которой трудно переоценить. По существу, мы только начинаем покорение металла. Сейчас прочностные пределы во много раз меньше того, что заложено в материале и зависит от сил сцепления молекул и атомов между собой. Улучшить свойства металла, овладеть заложенными в нем запасами прочности, не используемыми до сих пор, помогут высокие давления.

Таковы будущие достижения. Они закладываются уже в наши дни. Исследуя сегодня, мы обеспечиваем прогресс завтра — крылатые слова ученых. И нет сомнения в том, что будут одержаны новые победы на пути к пределам сжатия, по дороге великих открытий.

И. Е. Репин. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В МАНТИИ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА ПРАВ ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 1885 год. Акварель.
Государственная Третьяковская галерея.

Этюд И. Е. Репина (акварель) **к картине** «ЗАПОРОЖЦЫ». Исполнено в станице Пашковской 13 июня 1888 года.
Государственный Русский музей.

Этюд И. Е. Репина (рисунок) **к картине** «ЗАПОРОЖЦЫ». Исполнено в станице Пашковской 13 июня 1888 года. Находился в собрании А. Ф. Маркса в Петербурге; нынешнее местонахождение неизвестно.
Находился в собрании А. Ф. Маркса в Петербурге; нынешнее местонахождение неизвестно.

Этюд И. Е. Репина (рисунок) **к картине** «ЗАПОРОЖЦЫ». Исполнено в станице Пашковской 14 июня 1888 года. Дата на этюде ошибочна.
Государственная картинная галерея Армении.

Этюд И. Е. Репина (масло) **к картине** «ЗАПОРОЖЦЫ». Исполнено в станице Пашковской в июне 1888 года. Дата на этюде ошибочна.
Частное собрание, Москва.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ ИЗ КОНСЕРВАТОРИИ

Рассказ

Юрий ТРИФОНОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Туся Сидоркина казалась мне самой очаровательной девушкой на свете, хотя, быть может, в ней и не было ничего особенного. Она работала калькулятором в расчетном отделе нашего завода. У нее было миленькое, немного веснушчатое лицо и копна белокурых волос, напоминавших цветом свежую сосновую стружку. Туся любила вечера танцев в клубе, стихи Симонова, пирожное «эклер», недурно играла в баскетбол за нашу заводскую команду, а на домашних вечеринках пела украинские песни...

Как видите, в ней действительно не было ничего особенного, и, тем не менее, я считал ее самой очаровательной девушкой. Обычная история.

Но все началось с украинских песен.

Однажды на чьих-то именинах, куда я пришел с Тусей, среди гостей оказался румяный, лысоватый молодой человек в роговых профессорских очках, которого хозяин дома рекомендовал так:

— Федор Кузьмич из консерватории.

Федор Кузьмич держался солидно и независимо, портвейн запивал нарзаном и за весь вечер только однажды раскрыл рот. Когда Туся прощебетала свой дежурный романс «Ганзя-любка» и мы, слышавшие его сто раз, снисходительно похлопали в ладоши, Федор Кузьмич вдруг сказал веско:

— А у вас есть голос, товарищ. Вам следует учиться вокалу.

Это замечание вызвало взрыв веселья (мы все уже были изрядно под хмельком), посыпались остроты насчет будущей Барсовой, насчет того, чтобы Туся не забыла пригласить нас на свой бенефис и что вообще лучше учиться «бокалу», чем вокалу, и так далее в таком же духе. Туся смеялась жизнерадостно и громче всех...

А через три дня я узнал, что она бегала тайком к концертмейстеру в Дом культуры попробовать голос. Она сама рассказывала, как ее подвергли экзамену и как она от волнения перепутала слова, но этого никто не заметил, а когда она кончила, концертмейстер очень тепло поблагодарил ее, пожал руку и порекомендовал записаться в кружок автомобилистов.

Но в Доме культуры Туся узнала адрес одного частного педагога — Розалии Семеновны Брукс.

— Зачем тебе? — удивился я.

— На всякий случай. Ведь Федор Кузьмич из консерватории понимает больше, чем этот из Дома культуры... Я уже взяла два урока.

— Ого, ты времени не теряешь! Ну, и что говорит Розалия Семеновна?

— Что она может сказать? Голос у меня, безусловно, еще сырой. Вся середина проваливается, но зато есть верхушки. Однако чепуха, я отношусь абсолютно несерьезно...

— Конечно, какие там верхушки? — подхватил я, легкомысленно смеясь. — Откуда им взяться?

— Нет, верхушки-то как раз есть, — сказала Туся холодно. — Верхушки меня не волнуют. Вот послушай одну стаккатку и увидишь. — Она сложила губы сердечком и издала несколько звуков, напоминавших скрип быстро отворяемой двери. Затем, откашлявшись, повторила то же самое громче. — Ну как?

— Здорово! Первый класс! Для стаккато, пожалуй, даже чересчур хорошо! Но ты не забудешь контрамарку?..

В тот вечер я шутил и дурачился, совершенно не подозревая, что дело затевается нешуточное. Прошло несколько дней, и Туся вдруг перестала разговаривать нормально — только шепотом. Она запретила курить в своем присутствии. Каждый день она поражала меня какой-нибудь сенсацией: то у нее появилась вдруг середина, то пропали низы, то горделиво сообщалось, что у нее несмыкание связок на нервной почве...

Вскоре Туся рассталась с Розалией Семеновной (кто-то сказал, что Розалия Семеновна портит учеников: у нее поют слишком «открыто») и перешла к Цезарю Ивановичу Северини. О, Цезарь Иванович — изумительный педагог, знаток бельканто, его дедушка был итальянец! Туся занималась у него две недели, а затем покинула его ради Евдокии Саввичны Дольской, которая пятьдесят восемь лет назад пела в хоре Мариинской оперы.

Через некоторое время я уже знал всех. Каждый из них учил по-своему и называл остальных педагогов шарлатанами, дармоедами, жульем и другими немузыкальными словами. Розалия Семеновна, например, проповедовала «метод мычания»: по ее мнению, для того, чтобы хорошо петь, надо было прежде всего научиться мычать по-коровьи. Евдокия же Саввична призывала учиться дыханию у собак. «Собаки, — говорила она, — обладают идеально поставленным голосом, ибо они правильно дышат». Одни педагоги требовали развивать грудную клетку, другие делали весь упор на живот («Пойте животом», — любил повторять Цезарь Иванович), третьи указывали на лобные пазухи...

Туся терпеливо продвигалась по этому лабиринту вокальной премудрости. Она больше не пела украинских песен. Если ее очень просили, она исполняла какую-нибудь штуку, вроде стаккато, причем поминутно откашливалась и оговаривалась, что сегодня она «не в голосе». Слушать ее стало порядочным испытанием. Голос Туси звучал теперь так странно, точно и в самом деле шел откуда-то из живота. Но она не теряла надежды. Наоборот, каждый новый педагог вливал в нее новую порцию оптимизма, правда, ненадолго. И наконец на сцене опять появился Федор Кузьмич из консерватории.

Несколько раз я присутствовал на его уроках. Он занимался у Туси дома. Федор Кузьмич был мелочно пунктуален, никогда не улыбался и обо всем разговаривал с необычайной серьезностью.

— Чтобы петь, надо знать физику, — говорил он. — Здесь нет никаких тайн мадридского двора, все объясняется научно. Мы имеем воздушный аэродинамический столб, который своим основанием упирается в диафрагму, а вершиной — в гортань. Задача певца — нащупать амплитуду колебаний воздушного столба и держать его в постоянном равновесии, подобно маятнику Фуко. Вот и все, собственно. Дайте вашу руку...

Он брал тусину руку и невозмутимо прикладывал ее к своему животу.

— Сейчас я буду петь неправильно. А-а-а-а-ооо! — затягивал он натужливым баритоном. — Вы не чувствуете никакой вибрации, не правда ли? Аэродинамический столб выключен, верно?

— Да, — робко отвечала Туся.

— Теперь далее. Прижимайте руку смелее! И-и-и-и-ааа! — Голос его звенел неожиданной фистулой. — А теперь чувствуете, как вибрирует диафрагма?

— Да, да... — лепетала Туся. — Чувствую...

— Это значит, найден контакт, голос звучит правильно. Вы поняли?

Туся кивала, глядя на учителя с боязливой почтительностью. Затем она сама начинала петь, а Федор Кузьмич бесцеремонно, не стесняясь моего присутствия, определял на ощупь, насколько правильно вибрирует диафрагма.

Однажды после подобного урока я осторожно намекнул Тусе, что хорошо было бы как-то больше словами объясняться и меньше руками. Туся возмутилась, на меня обрушился град обвинений:

— И тебе не стыдно? Что за грязное воображение! Какой цинизм! Федор Кузьмич — святой человек, он живет искусством, а у тебя голова занята неизвестно чем... Пожалуйста,

можешь не присутствовать на уроках, тебя никто не неволит!

К этому дело шло. Я начал видеться с Тусей все реже. Зато Федор Кузьмич зачастил со своими уроками: сначала они занимались раз в неделю, потом два раза, а затем чуть ли не ежедневно. Я уж не знаю, какую вибрацию они там штудировали. Я только видел, что бедная Туся окончательно помешалась на пении: она забыла всех своих старых подруг, забросила баскетбол в разгар сезона (это отметила заводская газета в гневной статейке тренера «Так не поступают настоящие спортсмены!») и даже изменила своим излюбленным вечерам танцев в клубе. Туся похудела, осунулась, от ежевечерних занятий и недосыпаний под глазами у нее появились темные круги. На нее было жалко смотреть.

И подумать только, что все это безумие началось с одной случайной фразы на именинах!

В довершение всего Туся вдруг заявила мне, что нам необходимо расстаться.

— Федор Кузьмич считает,— сказала она,— что личная жизнь, безусловно, мешает карьере.

— Позволь... Это о какой же карьере идет речь?

— Федор Кузьмич говорит, что еще полгода интенсивной работы — и голос у меня будет звучать идеально. Это вопрос времени. Но я должна пожертвовать всем. Федор Кузьмич обещает устроить меня в консерваторию.

— Боже мой, да он над тобой смеется! — воскликнул я. — Он не может обещать этого всерьез. Я не знаю, в каких целях...

— Молчи! Он бескорыстнейший человек! Он берет за уроки такие гроши, что стыдно сказать!

— Верно, верно. Чего нет, того нет,— закивала тусина мамаша. — А какой он молодой и какой солидный, деликатный...

— Да кто молодой? — озлился я.— Лысый, в очках...

— Во-первых, не лысый, а у него редкий волос. И к нему это идет, я вам скажу...

— Ах, мама! Оставь!..— поморщилась Туся.

— Нет, я что говорю? Он же интересный мужчина, Федор Кузьмич, это факт. А что очки носит, так из нынешних мужчин каждый третий в очках, такой век нервный, что поделать...

— О, черт возьми! — вскричал я, охваченный внезапным отчаянием.— Да разве вы не понимаете, сколько бы этот лысый, интересный мужчина ни занимался с Тусей, все равно ведь... все равно ж... — Я осекся.

Мать и дочь смотрели на меня выжидательно.

— Ведь пение, так сказать... — продолжал я уже менее уверенно,— это, по-моему, от природы. Если нет этого самого... слуха, там, или голоса, что ли... Я не знаю, конечно, я человек серый... Но, по-моему, трудно выучиться, если нет вот этого, чего я сказал...

Последние слова я пробормотал чуть внятно и перевел дух. Наступила пауза. Мать и дочь молчали, глядя на меня отчужденно и сострадательно, точно вдруг уличили меня в чем-то ужасно некрасивом. Затем Туся заговорила спокойно:

— Что ж, тебе виднее. Ты ведь профессионал-вокалист, преподаешь в консерватории, имеешь музыкальное образование... А Федор Кузьмич ничего не смыслит в пении. Он диспетчер инструментального цеха, человек серый, ни одной оперы до конца не дослушал. Конечно, тебе и карты в руки.

Мамаша насмешливо фыркнула и с достоинством удалилась из комнаты.

— Значит... Это как понять? — спросил я, помолчав.— Мне надо взять шляпу и уйти?

— Как хочешь... По-моему, близость двоих может быть только в том случае, если каждый живет интересами другого. А если этого нет, тогда и ничего быть не может. Прощай, Витя! — Она как-то робко протянула мне руку, и я машинально пожал ее.

Я еле сдерживался, чтобы не крикнуть ей всей правды о ее голосе, и о том, как над ней смеются знакомые, и что о ней говорят педагоги, и как все это вообще бессмысленно и гибельно, если подумать трезво, но я прочитал в ее глазах такую фанатически ясную, не замутненную никакими сомнениями веру, что мне стало жаль ее почти до слез и стало жаль себя и свою любовь, оборвавшуюся так нелепо, и поэтому я смог только пробормотать

— Дорогая Туся, ведь я...— и, махнув рукой, выбежал из дома.

Прошло несколько дней, а может быть, две недели. Я пытался забыть о Тусе, забыть решительно и навсегда, забыть ее кудрявые белокурые волосы, напоминавшие сосновую стружку, и ее тоненький голосок, похожий на скрип... Нет, теперь, когда я вспоминал о нем в отдалении, он казался мне серебряным колокольчиком. Словом, я пытался вырвать эту занозу из сердца, но вы сами знаете, как это трудно сделать в пожарном порядке.

Кончилось тем, что у меня возник план: я решил встретиться с лысым вокалистом и поговорить с ним начистоту. Я позвонил своему знакомому, у которого мы были с Тусей на злосчастных именинах, и узнал у него адрес Федора Кузьмича.

Воскресным днем я направился на окраину города, куда-то в район Семеновской заставы. Служитель муз жил в старом, обшарпанном доме, на втором этаже. Мне открыла женщина в домашнем халате, с красными намыленными руками. На вопрос, дома ли преподаватель пения Федор Кузьмич, она минуту молчала в недоумении, а потом ответила испуганно:

— Нету. здесь... У нас Федор Кузьмич, бухгалтер, живут...

— Какой бухгалтер? Федор Кузьмич из консерватории. Моложавый такой, плешивый, в очках...

— Ну да, ну да! — закивала женщина.— Только он бухгалтер.

В коридор выскочила вдруг вторая женщина и, бурно жестикулируя, закричала издали:

— Он и есть, Анна Степановна! С декабря же он в консерватории главбухом, Федор Кузьмич-то!

— А я почем знаю? Он мне не докладал...

— Позвольте... Значит, Федор Кузьмич — бухгалтер? — спросил я голосом, дрожащим от ликования.

— А как же? Все года на этом деле. Он, видите, в тресте ресторанов работал, потом в саду «Аквариум», оттуда в консерваторию — восьмой месяц, считай...

Но я уже не слышал словоохотливой соседки и, прыгая через три ступеньки, бежал по лестнице вниз. Схватил на площади такси и помчался к Тусе. «Ах, деятель! Ах, пролаза!— думал я злорадно и с каким-то даже изумлением.— Ну, погоди ж ты! Сейчас всю твою двойную бухгалтерию наизнанку вывернем! Ах, ловкач!»

Мне повезло: еще в прихожей я увидел сиреневый летний макинтош Федора Кузьмича и его зеленую шляпу. Я попал как раз на урок. Мать Туси, открывшая входную дверь, встретила меня с неожиданной приветливостью:

— Добрый вечер, Витенька! Как мило, что вы зашли! Наташенька будет тронута.

Туся и Федор Кузьмич сидели за столом и пили чай. На белоснежной скатерти лежали врассыпную конфеты и стояла большая стеклянная ваза, доверху наполненная пирожными «эклер». Я сразу заметил нечто необыкновенное: чопорный Федор Кузьмич сидел в рубашке без галстука, а пиджак его висел на спинке стула.

— Здравствуй, Витя,— сказала Туся, вставая и глядя на меня с такой нежностью, что сердце мое вдруг сжалось от недоброго предчувствия. — Поздравь меня, Витенька, я выхожу замуж за Федора Кузьмича.

Федор Кузьмич, улыбаясь, наклонил голову. Я впервые видел, как он улыбается. Его лицо было вдвое румяней обычного, и лысина, сквозившая в рыжеватой поросли, торжественно сияла под абажуром.

Первые несколько минут прошли, как в тумане. Я бормотал какие-то поздравительные слова, кое-как сел на стул, мне налили чаю, от волнения я полез в карман за папиросами, но тут же вспомнил о тусином запрещении курить и опустил руку.

— Курите, курите! — добродушно сказал Федор Кузьмич.— Пожалуйста!

Замечание Федора Кузьмича добило меня совсем. Я понял, что все кончено: она действительно выходит замуж. И это сознание необратимости, невозможности ничего вернуть облило меня холодом и привело в чувство.

— Ну, а... как с вокалом? Занятия будут продолжаться? — спросил я уже более или менее нормальным голосом.

— Бесспорно! — Федор Кузьмич улыбнулся. Он улыбался теперь, не переставая, точно за все прошлые дни, задним числом.— И не только вокалом, но и хореографией, и теннисом, и рыбной ловлей...

— О нет, Федя! Мой вокал остается на первом месте!

— Я дам вам совет, Федор Кузьмич,— начал я медленно и сделал паузу, чтобы верней нанести удар.— Наталья Павловна будет петь, а вы можете аккомпанировать ей на счетах. Или на арифмометре.

Федор. Кузьмич быстро взглянул на меня и расхохотался.

— Намек на мою специальность? Ха-ха-ха! Это оригинально — аккомпанировать на арифмометре! Ха-ха-ха!.. Натуся, ты согласна на такой аккомпанемент?

— Я согласна, мой ми-и-лый! — пропела Туся.— Лишь бы ты не сбивался с такта...

— Вы видите? Она согласна. Это главное. Можно аккомпанировать на чем угодно: на арифмометре, на токарном станке, на бормашине,— лишь бы женщина была согласна. Не правда ли, Зоя Филипповна?

Мамаша умиленно кивала. Федор Кузьмич и Туся обменивались любовными взглядами, и наблюдать все это становилось невыносимо.

Я встал, чувствуя легкое головокружение.

— Меня интересует только одно и последнее: как вы устроите Тусю в консерваторию? Просто любопытно...

— А дело уже сделано. Есть договоренность. Наталья Павловна поступает в нашу бухгалтерию. Все-таки ближе к миру искусств, верно, Натуся? Ты довольна?

Туся, не отвечая, запела что-то своим тоненьким, немного скрипучим голоском, но очень воодушевленно. А Федор Кузьмич продолжал говорить:

— Важно жить интересами друг друга, общими устремлениями. Это необходимо для счастливой семейной жизни...

Наконец я выдавил из себя несколько прощальных пожеланий и оставил молодоженов наслаждаться их счастьем. Что ж, у меня не было иного выхода, кроме выхода на улицу. Там томился грозой июньский вечер, табунами гуляли школьники и грустно плыл тополиный пух...

Вскоре Туся уволилась с нашего завода. Больше я ее не видел.

Прошло много месяцев, и однажды весной я встретил Федора Кузьмича на улице. Я сразу не узнал его: он похудел, сгорбился, румянца как не бывало, поблекшее, обтянутое лицо выражало угрюмую озабоченность.

Федор Кузьмич поздоровался со мной без особой радости. Пошел дождь, мы укрылись в каком-то парадном.

— Как у нас? Ничего, помаленьку... Спасибо...— мямлил он, глядя в сторону.— Нет, наследников нет. Дети — это же вредно для голоса...

— А мы все еще поем?

— Все еще... Вот именно! — Он усмехнулся с внезапным раздражением. — Только теперьто мы и запели! Мы бросили работу, у нас свора педагогов, и ваш покорный слуга мотается на двух службах, чтобы оплачивать уроки этих... этих... — Не найдя подходящего слова, он сплюнул.

— Но, вероятно, Туся сделала успехи?

Федор Кузьмич подозрительно посмотрел на меня и, ничего не ответив, пожал плечами.

— Слушайте,— сказал я,— попробуйте раскрыть ей глаза, скажите прямо...

— Да говорил и прямо, и криво, и как угодно! Что толку? Ведь я бухгалтер, канцелярская душа, мое мнение сбоку-припеку... Нет, дело безнадежное! — Федор Кузьмич глянул на часы и вдруг рванулся к выходу.— Прощайте, побежал! Нотный магазин до восьми, а мне велено каких-то вокализов купить, черт их подрал!.. Если не принесу, лучше домой не [illegible]

У меня на языке вертелось несколько фраз насчет того, как важно жить интересами друг друга, общими целями и так далее. Меня так и подмывало сказать этому затравленному счетоводу, что он пал жертвой собственного вероломства. Но мое природное великодушие взяло верх над мстительным чувством, и я промолчал.

Федор Кузьмич нахлобучил шляпу, закатал брюки почти до колен и приготовился нырнуть под дождь.

На японской сцене

По инициативе деятелей культуры и искусства Японии в Токио проведен недавно «Международный театральный месячник». В его программе был и спектакль-сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев». Литературный перевод пьесы сделала Юаса Иосико; музыкальное оформление подготовлено Хаяси Хикару. Ставили спектакль режиссеры Сэнда Корэя и Аояма Сугисаку.

Спектакль-сказка, по свидетельству его участников и многочисленным откликам японских газет, имел большой успех. За 10 дней в помещении, предоставленном редакцией газеты «Сангио кэйдзай симбун», спектакль показали 19 раз, его просмотрели 34 700 зрителей. Кроме того, на средства, предоставленные организацией Мори-но кай («Общество леса»), были устроены просмотры спектакля детьми-сиротами, проживающими в приютах. Для них же была проведена телевизионная передача спектакля, после которой перед экраном выступали артисты, рассказавшие о своей работе над ролями.

У здания «Хаюдза» («Театр актера») в Токио.

Зимой в лесу. Падчерица (Ивасаки Канэко) получила от братьев-месяцев корзинку подснежников для королевы.

Сцена из спектакля «Двенадцать месяцев». В классной комнате дворца. В центре — королева (Миядзики Ясуко).

Скульптуры из синтетических смол

В Киеве у новых многоэтажных домов на Крещатике устанавливаются большие, почти четырехметровые скульптуры. Обычно такие громады весят несколько тонн, а эти необыкновенно легки: их вес не превышает двухсот пятидесяти килограммов. Из чего же они сделаны?

Много лет назад киевлянин Олег Константинович Кошевой начал поиски нового материала для отливки скульптур. По мысли технолога, новый материал должен был стать полноценным заменителем дорогостоящих мрамора и бронзы, недолговечных гипса и бетона.

Кошевой экспериментировал с различными пластмассами, и в 1951 году вместе со скульптором К. С. Зинченко представил первую работу. Это был бюст Т. Г. Шевченко из синтетических смол.

Кошевой создал оригинальную технологию литья. Она несложна: холодный раствор смеси заливается в гипсовую или металлическую форму. При нагреве происходит химическая реакция, смесь быстро твердеет, образуя прочное тонкостенное изделие. К раствору добавляют различные красители под мрамор, бронзу, кость. С помощью красителей можно получать цвета любых оттенков.

Скульптуры из синтетических смол прочны, легки, термостойки, не боятся влаги, не подвергаются выветриванию. Они значительно дешевле мраморных и бронзовых.

Многометровые скульптуры, сделанные в республиканских научно-реставрационных мастерских Киева, украшают сейчас фасад Дворца культуры в Новой Каховке. Барельеф «Декабристы», выполненный под мрамор, экспонирован в Музее Тараса Шевченко в Канаде. Мастерские получили заказ на изготовление скульптур для московского метро.

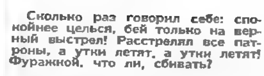
В. ШУХОВ

Скульптура из синтетических [illegible]

Фото Я. Паволоцкого.

Сколько раз говорил себе: спокойнее целься, бей только на верный выстрел! Расстрелял все патроны, а утки летят, а утки летят! Фуражкой, что ли, сбивать?

Остап ВИШНЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Попал! Королевский выстрел!

Охота...

Охотился ли Адам, живя с Евой в раю, об этом нет проверенных данных. Вероятно, охотился: вряд ли можно было и в раю прожить одними яблоками. Во всяком случае, сколько существует на свете человек, столько он охотится.

И в устных преданиях и в древних наших литературных памятниках мы встречаем охотничьи образы.

В «Задонщине» рязанца Софония имеется прекрасный образец описания соколиной охоты: «...И соколи и белые кречети... возвиваючись под синие небеса... хотят ударити на многия стада гусиныя...»

Предания и былины, сказки и песни, романы и повести писателей — классиков и современников — рисуют замечательные картины чудесной нашей природы и воспевают мужество, силу и ловкость человека-охотника.

«Воспоем» и мы... Если удастся, конечно.

Все знают, что существует охота как промысел и охота-спорт. Мы намерены «воспеть» охоту-спорт. Пусть овладеют люди охотничьим мастерством, пусть еще больше полюбят нашу удивительную природу, наши горы и долины, наши степи и луга...

И полюбят не для того, чтобы только любоваться, а чтобы лелеять и беречь нашу природу, нашу флору и фауну.

Мы придерживаемся такого взгляда: не тот настоящий охотник, кто стреляет много диких уток, а тот, кто помогает дикой утке спокойно вывести детей, кто охраняет ее гнездо от разорения...

Сколько бы ни было у нас охотников — сотни, тысячи, миллионы,— но если эти охотники организованы, если они соблюдают правила охоты, не нарушают ее сроков и нормы отстрела дичи, никакого вреда для нашего охотничьего хозяйства они не принесут. Сотня злостных браконьеров больше уничтожает дичи, нежели десятки тысяч организованных, культурных охотников...

...Охота—спорт смелых, спорт сильных!

А какой это замечательный отдых! За месяц охоты-отдыха, когда человек все время на природе, в движении, с водой и солнцем, здоровье вливается в организм центнерами...

Поедемте в Крынки! Там можно замечательно отдохнуть и поохотиться.

В Крынках, что находятся в Цюрупинском районе, Херсонской области, в 40 километрах от Херсона, вверх по Днепру, УДООР (Украинское добровольное общество охотников и рыболовов) организовало дом отдыха.

Чудесные там места! Река Конка, огибающая заливные луга, с бесчисленными озерами, лиманами, заливами, проливами. Плавни! Сколько там дичи! Сколько там рыбы!

А какой там в колхозах виноград! А арбузы! А дыни!

Поедемте, не пожалеете!

Хотите поохотиться? Пожалуйста! Каждому охотнику свой челнок.

Держитесь, утки! Охотники выезжают! Батюшки, сколько же их!

Но как близко до подсадных! Как бы подсадной не трахнуть! Чтобы не было, как с одним очень опытным охотником: одним выстрелом сразу троих! Подъезжаю, смотрю: все три крыжня, и все... с веревочками на лапках! Подсадных трахнул!

Молодежь не отстает от стариков. Ученик 7-го класса Казачьелагерской школы Коля Масленик всегда возвращается с охоты с трофеями.

Бывает, что и домашних стреляют! Ну и имел же он «баню» от хозяек! Придется заплатить, обязательно.

В Крынках и реке Конке богатые рыбные места. Но особенно всех притягивает красавец-сазан. Рыба умная, хитрая, сильная: взять сазана на удочку — большое мастерство

В Крынках, в доме отдыха, дичь и рыбу принимают от охотников и выплачивают за это деньги или же зачисляют в счет стоимости путевки.

Мертвый час в перерыве между перелетами. Может, и не особенно мягко, но как сладко спится! Кругом лес, луг, вода, воздух... Здоровье кругом!
Приезжайте в Крынки! И ни пуха вам, ни пера!

Аппорт! Охотники понимают, что сие значит. Так приказывают собаке: принеси, мол, дичь! Нашему охотнику не повезло: пришлось делать «двойной аппорт»: тянуть и дичь и собаку! И поделом: не приучай гончака бегать за утками!

КУКУШКА

Людмила **УВАРОВА**

Рисунки А. Голяховской.

Перед судом стоят двое. Она высокая, статная, русоволосая. Вьющаяся прядь над глазами выгорела от солнца и резко отличается цветом от остальных волос. Руки женщины нервно комкают носовой платок.

Сутулясь, не глядя на публику, стоит рядом с женщиной невысокий узкоплечий человек. Время от времени он вынимает из кармана смятую папиросу, торопливо разминает ее пальцами, потом, видимо, вспомнив, что курить в этом помещении нельзя, снова прячет папиросу в карман.

Останавливаясь на каждом слове, сдержанно, но с глубокой горечью и болью молодая женщина рассказывает:

— Так вот мы и жили. Он часто уходил куда-то и не приходил до утра. А мы с Сережей оставались одни...

Она прикладывает платок к глазам. Глаза у нее широко расставленные, чуть прищуренные, опушенные густыми ресницами. Должно быть, они особенно хороши в улыбке, но сейчас их чистый и ясный взгляд омрачен печалью.

Судья задумчиво постукивает карандашом по столу, потом спрашивает:

— И когда же вы пришли к решению оставить мужа?

Она отвечает не сразу: наверное, нелегко ответить на этот вопрос. Потом говорит:

— Как-то у нас разразился страшный скандал. Сейчас уже и не припомню, из-за чего. Он бросал мне в лицо несправедливые упреки, оскорбления, грубости. Он был пьян к тому же, этот дурной и мелкий человек.— Тут она поворачивает голову и смотрит на мужа.— Да, дурной и мелкий человек... И как только я раньше не разгадала его натуру!..

Она молчит, словно вдумывается в свои слова, затем, как бы все сильнее проникаясь сознанием своей правоты, продолжает:

— Упала пелена с глаз. Я поняла: так дальше жить нельзя. И тогда я уехала далеко, на Урал, там поступила на завод, стала работать. Но тоска не оставляла меня, я все время безумно тосковала по ребенку...

Женщина говорит взволнованно, может быть, слегка выспренно, но волна общего сочувствия словно вдохновляет ее.

— И вот там, на Урале,— чуть понизив голос, продолжает она,— я встретила того, кто стал теперь моим мужем...

— Сожителем,— осторожно поправляет ее народный заседатель, по виду старый рабочий.— Пока что, по закону, он еще ваш сожитель.

— Муж,— не соглашаясь, повторяет женщина,— фактический муж, а после развода, надеюсь, и законным будет. Мы полюбили друг друга, и я вернулась с ним в Москву. Конечно, первым делом бросилась к сыну. И что же? Сережа уже не тот. Не глядит на меня, неохотно говорит со мной. Видно, ему наплели про меня какие-то мерзавцы, но я знаю, я-то знаю, кто это такие, всех, как есть, знаю...

Что-то жесткое мелькает в ее красивых глазах, и грубые слова как-то не вяжутся со всей складной и прочувствованной речью.

— И теперь вы желаете, стало быть, взять сына к себе? — спрашивает судья.

— Да.

— Гражданин Алферов,— судья обращается к бывшему ее мужу,— согласны вы отдать ребенка матери?

Алферов молчит, разминая в пальцах папиросу. Рядом со своей высокой, статной женой он кажется совсем маленьким.

— Нет, не согласен,— тихо произносит он.— Сыну, по-моему, лучше остаться со мной, да и он сам этого хочет...

В зале становится шумно.

— Прошу соблюдать тишину,— говорит судья.— Гражданка Шарапова, пройдите сюда, пожалуйста.

Худенькая женщина в синем костюме встает со своего места и останавливается перед столом судьи.

— Я классная руководительница Сережи Алферова,— говорит она.— Мальчик учится у меня уже третий год...

Она смотрит на мать. Голос ее звучит негромко, но хорошо слышен в зале:

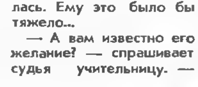
— Почти три года учится у меня ваш сын, Таисия Михайловна, но вас я вижу сегодня впервые.— Она задумалась на секунду.— В первый класс новичков обычно приводят в школу матери. Это уж как-то так заведено у нас. А Сережу привел отец...

Задумчиво, как бы говоря сама с собой, она вспоминает:

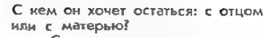
— Мне сразу подумалось, что он сирота. Знаете, материнский присмотр ощущается в мелочах, в чем-то порой даже неуловимом. Сережа был чистенько одет, но мужская неумелая рука чувствовалась во многом: пуговица, пришитая наскоро белой ниткой, не всегда свежий воротничок. И потом он часто бывал печален, словно его тяготило что-то. Мальчик оказался сдержанным, замкнутым, но отзывчивым. На первое собрание родителей снова пришел отец. После собрания он задержался, чтобы поговорить со мной, спросил, смущаясь, что делать, если сына никак не уложишь с вечера спать. Я спросила, есть ли у ребенка отдельная комната. Он сказал, что нет, что живут они втроем в одной комнате. И когда я услышала это слово «втроем», мне стало не по себе: как же так? Значит, у Сережи есть мать. Почему же она никогда не приходит в школу? «Ваша жена работает?»— спросила я. «Нет,— ответил он.— Раньше работала, теперь нет». Больше мы об этом не говорили. Правда, встречаться нам приходилось: он аккуратно посещал родительские собрания.

Учительница замолчала, потом заговорила снова:

— Вот и вчера отец Сережи пришел ко мне посоветоваться, стоит ли брать ребенка в суд, поскольку мать настаивает на этом, но я решительно воспротивилась. Ему это было бы тяжело...

— А вам известно его желание? — спрашивает судья учительницу. —

С кем он хочет остаться: с отцом или с матерью?

— С отцом.

— А как вы сами считаете: справедливо это?

Учительница отвечает не сразу. Она приглаживает рукой свои седеющие волосы и говорит:

— Я долго думала об этом. Думала и о своей вине.— Она обводит зал открытым взглядом.— Я долго ждала вас, Таисия Михайловна, писала вам записки. Мне хотелось видеть вас, узнать, кто вы, почему вы так невнимательны к сыну...

Она молча смотрит на молодую женщину, но та отворачивается.

— Потом я оставила свои попытки. И в этом моя вина, за которую я сейчас расплачиваюсь. Может быть, если бы я была более настойчивой, я бы добилась своего. Мне надо было самой придти к вам, поговорить, убедить: ведь вы еще молоды, не окрепли душой, а верное и нужное слово, сказанное во-время, много значит. Я не пришла, и в этом моя вина...

— Прошу вас ответить на вопрос,— повторяет судья.— Считаете ли вы справедливым желание мальчика остаться с отцом?

— Безусловно,— отвечает учительница.

Суд вызывает новых свидетелей. Один за другим говорят соседи по дому, сослуживцы Алферова, работники домоуправления.

И мало-помалу вырисовывается картина, совсем непохожая на ту, что нарисовала Таисия Михайловна.

Простая, неприкрашенная правда предстала перед судом, и свет ее беспощадно осветил историю двух некогда близких людей, которые стоят здесь, отвернувшись друг от друга.

...Они познакомились на вечере самодеятельности в рабочем клубе. Василий сразу же обратил внимание на высокую, красивую девушку. Она, как видно, была мастер на все руки: плясала в ансамбле, пела в хоре, а в конце вечера читала стихи Есенина о белых яблонях.

Василий провожал Тасю домой. Она жила на другом конце города. Была зима, последние, еще крепкие морозы, метель, которая то крутила, то вдруг стихала... Дорогой она читала ему стихи и,

щурясь, поглядывала на него ясными, веселыми глазами...

Они стали встречаться. Тася работала на кондитерской фабрике завертчицей; отец у нее был старшим продавцом в гастрономе. Жили зажиточно: свой домик, сад, хозяйство. Мать Василию не понравилась: властная, недобрая, ограниченная женщина. Всех она чернила, ни о ком доброго слова никогда не сказала.

Зато дочь свою обожала. Гордилась ее красотой. «Наша Тасенька все умеет: и петь, и плясать, и одеваться к лицу. Нашей Тасеньке за большого человека — за директора завода или за главного инженера — впору замуж выйти...»

На Василия старуха поглядывала свысока. Так себе парень, невидный, неказистый, к тому же ни кола, ни двора. Родителей не помнит, в детском доме воспитывался, потом окончил ФЗО, теперь на заводе токарем. Ходит, ну и пусть себе ходит. Никому не заказано...

Василий был тихий, застенчивый. Тася несказанно удивилась, когда увидела его портрет на центральной площади и узнала, что он один из лучших производственников машиностроительного завода.

— Скажите, пожалуйста! — с невольным уважением поглядела она тогда на Василия, словно впервые увидела его худое лицо, короткие брови, немного усталые глаза...

Тася знала, что он любит ее, знала и не скрывала своего равнодушия к нему. Нет, не для него она, ей под пару, как говорит мать, человек «с весом».

Однако время шло, а тот, суженый, о котором мечтала Тася, все не встречался. Ее окружали рабочие парни, веселые, жизнерадостные, с открытой душой.

— Мелочь,— пренебрежительно отзывалась о них мать Таси, и дочь охотно соглашалась.— Несамостоятельные все какие-то!..

И только один постоянно хранил ей верность и крепко любил ее, один из всех — Вася Алферов.

Шли годы. Подруги выходили замуж, обзаводились семьями, детьми. А она — самая красивая, яркая — все никак не могла отыскать своего счастья.

И то ли в этом была повинна легкая зависть к подруге, сделавшей «хорошую партию», то ли васины глаза сильнее обычного светились любовью и преданностью, но однажды, возвращаясь со свадьбы подруги, Тася вдруг сказала:

— Что ж, Василек, теперь и наш черед...

Они поженились. Василий, как и следовало ожидать, оказался хорошим мужем, заботливым, внимательным. Они жили в большой, светлой комнате, которую Василию дал завод. Все свои сбережения он потратил на хозяйственное обзаведение. Тасины родители не дали ей ничего.

Вскоре после свадьбы Тася бросила работу. Муж не перечил.

— Как хочешь, Тасенька...

«Как хочешь, Тасенька» стало обычной его фразой и относилось решительно ко всему: шла ли Тася в клуб без него, или в кино, или спала до полудня, или, разводя руками, смеялась, когда он приходил с работы: «А об обеде-то я и забыла...»

Шли дни, недели, месяцы, и Василий с тревогой стал замечать, что жена словно тяготится им. На нее все чаще находили приступы беспричинной озлобленности, и в такие минуты она оскорбляла Василия, кляла себя за то, что «связалась» с ним.

Василий молча сносил все. Втайне он надеялся, что время может изменить Тасю, сделать ее более домовитой, серьезной, уравновешенной.

Появился третий — сын. Он был похож на Тасю, красивый, здоровый мальчик с белокурыми, как у нее, кудрявыми волосами.

Василий души не чаял в сыне, и Тася, казалось, стала более мягкой. Новые заботы заполнили ее жизнь.

Так, сравнительно мирно, прошло несколько лет. Василий был счастлив, он во всем помогал жене: ходил за покупками, мыл полы и даже, таясь от соседей, стирал белье сына. Он берег для семьи каждую копейку, не разрешал себе выпить и кружки пива.

Подруги завидовали Тасе, а теща презрительно усмехалась:

— Одно только понятие, что мужчина...

А Тасе вскоре опять наскучило все: и семейная жизнь, и заботы мужа, и даже сын...

Дурное влияние легкомысленных подруг и матери — женщины злой и недоброжелательной к людям — продолжало сказываться...

Сын Сережа скоро понял: мама с папой живут недружно, не так, как родители других ребят. Мама часто уходила куда-то, а когда она была дома, то все время ругала отца, кричала визгливым, резким голосом. Отец молча вздыхал, потом уходил.

И так изо дня в день...

Мальчик рос задумчивым, невеселым, чуждался товарищей.

Каждую ночь повторялось одно и то же. Тихо хлопает входная дверь. На полу появляется узкий лучик света. Это мама пришла, зажгла свет в прихожей. Потом лучик ширится, растет и вдруг исчезает: мама входит в комнату, быстро раздевается, ложится в постель.

Тишина. Папа притворяется спящим. И Сережа старается дышать тихо-тихо, чтобы не узнали, что он не спит. И так они долго лежат. Тикают часы на стене, где-то за окном звенит первый трамвай, туманный серый рассвет медленно вползает в окна...

Не случайно мальчик привязался к отцу сильнее, чем к матери: отец проводил с ним все свободные часы, проверял его уроки, покупал учебники, пришивал пуговицы к курточке и пальто. Он готовил для него обед и давал деньги на кино и на каток.

В сущности, один только отец и заботился о сыне. Мать не следила за Сережей. Тем больнее было Сереже, когда отец начал частенько выпивать. Сережа стал невнимательным, рассеянным, часто приходил в школу, не приготовив уроки.

Классная руководительница Елизавета Сергеевна Шарапова чувствовала: в семье что-то неладно, и это тяжело отражается на мальчике. Позднее она не раз упрекала себя. Упрекали себя и товарищи Василия и соседи по дому: почему отстранились, почему разрешили себе пройти мимо, не помогли во-время человеку, не ободрили, не поддержали?

Отец перестал пить так же внезапно, как и начал. Однажды, когда Сережа пришел из школы, отец встретил его на пороге. Он был мрачен.

— Так-то, сынок,— сказал он, словно продолжая начатый разговор.

Сережа вошел в комнату. На полу валялись полотенце, чулки, перчатки. Ящики комода были выдвинуты, посредине комнаты стоял раскрытый пустой чемодан.

Отец аккуратно сложил листок, который держал в руках, медленно и тщательно порвал его. Мелкие кусочки бумаги посыпались на пол.

— Все,— сказал он и обнял сына,— все, сынок. Теперь нас двое, понимаешь: двое!

С тех пор Сережа ни разу не видел отца пьяным. Словно рукой сняло. Но только один он знал, как подолгу не спит отец по ночам, как тяжело и тихо вздыхает, боясь разбудить сына...

Соседские ребята быстро разъяснили Сереже все: мать влюбилась в какого-то инженера и уехала с ним, куда, никто толком не знал, но к отцу она уже не вернется.

Сережа все же тосковал по матери.

И вдруг она снова явилась. Пришла оживленная, как ни в чем не бывало. Обняла Сережу, прижала к себе, засыпала торопливыми расспросами.

Он уже совсем отвык от нее — не виделись больше года,— и ему было как-то не по себе. Он нехотя отвечал на ее вопросы и все поглядывал на дверь, надеясь улизнуть. В конце концов улучил минуту и убежал.

А она приходила еще и еще. И каждый раз говорила одно и то же: «Я за тобой, Сережа, хочу, чтобы ты жил со мной...»

Он отмалчивался, но однажды ответил: «Нет, я хочу жить с папой».

С мужем она виделась всего лишь один раз. Стучала кулаками по столу, кричала на него, что это он настроил сына против нее, что это он один во всем виноват.

Отец молчал, будто и в самом деле чувствовал за собой вину.

А Сережа не выдержал, подошел к ней и сказал:

— Папа ни в чем не виноват. Просто я не хочу жить с тобой, а только с папой...

Тогда она подала в суд. Она хотела, чтобы сын жил с ней, а бывший муж платил ей алименты...

— ...Как видите,— говорит судья и смотрит на истицу,— как видите, гражданка Алферова, все свидетельские показания против вас. Объективные факты изобличают вас в неправде. Вы пытались ввести суд в заблуждение.

Однако она не сдается:

— Это он наговорил, товарищ судья, один он, больше некому!— Неприкрытая злоба звучит в ее голосе.

— Вы не правы,— спокойно возражает судья,— и хорошо знаете, что не правы.

В зале несколько мгновений стоит тягостная тишина.

Суд удаляется на совещание.

Притихший было зал полнится шумом. Все говорят в один голос, волнуясь, ждут решения суда и надеются на справедливый, верный приговор.

Конечно, мать понимает, что общее сочувствие уже не на ее стороне. Она оглядывает зал — ни одного дружеского лица, ни одного поддерживающего взгляда.

И, может быть, именно сейчас, в этом просторном и прохладном зале, заполненном незнакомыми, дружно осуждающими ее людьми, она впервые серьезно думает о том пути, что в конце концов привел ее нынче в народный суд.

Она вспоминает о сыне, и перед взором ее встает мальчик, который за всю его маленькую жизнь так редко ощущал ее заботу и ласку...

Если бы начать все сначала, искупить свою вину перед сыном, вернуть сердце сына...

Она вновь оглядывается вокруг, как бы ища поддержки, но в каждом взгляде читает одно и то же...

Наконец суд объявляет приговор.

Все облегченно вздыхают.

Классная руководительница подходит к Алферову:

— Идите, товарищ Алферов, Сережа вас ждет...

Никто не смотрит на мать, словно все забыли о ней в этот миг. Лишь кто-то негромко и презрительно бросает с задней скамьи:

— Кукушка!

И от этого короткого слова, словно от удара, она опускает голову и быстро уходит из зала...

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Изошутка Ю. Узбякова.

Индийские пословицы и поговорки

Не порывай грубо нить дружбы, ибо если придется опять ее связать, то останется узел.

Жажду росой не утолишь.

Даже живя на берегу реки, с крокодилом не подружишься.

Что делать прачке там, где люди ходят голыми?

Голод — лучший соус, усталость — лучшая подушка.

Одни слепы глазами, другие — сердцем.

Кто не умеет танцевать, говорит: «Какой неровный пол!»

Если бы петух не кукарекал, неужели не наступил бы рассвет?

Собака — лев на своей улице.

Перевел П. Охрименко.

Летний ливень и осенний дождь

В горах, а может быть, в долине,
Что между севером и югом,
Осенний дождь и летний ливень
Однажды встретились друг с другом.

— О ливень! — дождь сказал осенний.—
Чем объяснить мне можешь, брат,
Что ты с восторгом принят всеми,
Меня же всюду лишь бранят?

За что тебе такая слава?
Пусть льешься ты, как из ведра,
Но я сильней! Помысли здраво:
Иду с утра и до утра!

Ответил ливень: — Я согласен,
Что долог ты, осенний дождь!..
Но от тебя весь день ненастен,
Ты надоедливо идешь!..

Где я прошел, плоды созрели,
Пшеница бурно поднялась.
А ты струился две недели...
А что оставил? Только грязь!

———

Бывает так, что автор предисловья
На сто страниц разводит пустословье.
Периоды тоскливых разъяснений
Напоминают нудный дождь осенний.
Такие предисловья и доклады —
Источники зевоты и досады.

И так бывает,
Что доклад не длинен,
А освежает,
Словно летний ливень!

Николай ГЛАЗКОВ

«Птица-папагал» в Москве

Когда в нашей стране появился первый попугай?

Работая над книгой «Земной круг», посвященной истории путешествий, я нашел в старых источниках такое известие.

В 1490 году Иван III послал королю Максимилиану I дорогого кречета. Русские кречеты и соколы считались лучшими в мире ловчими птицами.

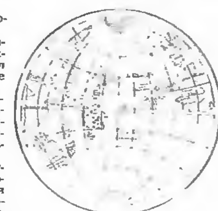
В ответ Максимилиан отправил из Нюрнберга в Москву своего рыцаря Юрия Делатора (Георгия фон Турна). Посол вез с собой клетку. В ней сидела «птица-папагал».

Делатор, прибыв в Москву, представился великой княгине Софье и преподнес ей диковинную птицу. Посол был пожалован золотыми шпорами и дорогой цепью.

Великая княгиня велела благодарить Максимилиана I за присылку попугая. Говорящая птица была водворена в золотую палату московского Кремля.

«Откуда же король Максимилиан достал попугая? — подумал я.— Ведь только через три года Христофор Колумб доставил в Европу сорок попугаев и других редких птиц».

Остается предположить одно. В 1490 году попугаев в Нюрнберг привез Мартин Бехайм. Этот ученый и путешественник побывал в Гвинейском заливе, в устье реки Конго, на Азорских островах.

Глобус-карта М. Бехайма. 1492 год.

Прибыв на недолгое время в Нюрнберг, обласканный Максимилианом, Бехайм решил подарить родному городу свое «земное яблоко» — сооруженный им огромный глобус, обтянутый пергаментом. На нем были изображены страны и моря мира, какими их представляли в Западной Европе до открытий Колумба.

Глобус был покрыт надписями, сделанными разноцветными чернилами. Среди этих надписей мелькали строки, посвященные тропическим птицам.

Особенно много внимания уделил Бехайм пернатым Азорских островов. В надписи на «земном яблоке» он сообщил, что на острове Санта-Мария птицы совершенно не боялись людей.

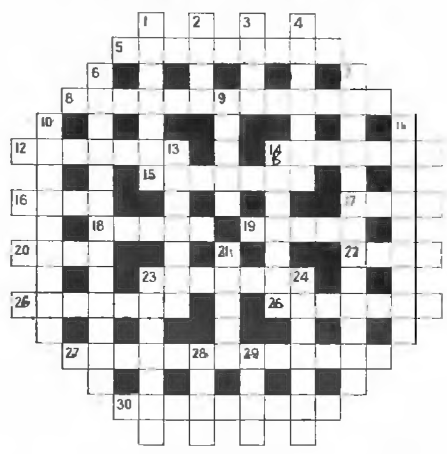
Вскоре после того как Бехайм передал гражданам города Нюрнберга свое «земное яблоко», в Нюрнберге побывали один за другим русские послы: Юрий Траханиот, Михайло Кляпик Яропкин, Дмитрий Герасимов, Мануил Докса, Данила Мамырев, Дмитрий Ралев, Митрофан Карачаров. Все они были очень любознательными и образованными людьми. Они помнили о «птице-папагале», доставленной в Москву. Находясь в Нюрнберге, русские, естественно, любопытствовали, откуда появилась там заморская птица.

Ответ на это они могли прочесть в надписях на пергаментной кожуре «земного яблока» Бехайма.

Знакомство с глобусом вообще принесло русским большую пользу. На «земном яблоке» можно было увидеть «Тартарию», Тибет, «Катай», путь из Западной Европы в Индию...

Сергей МАРКОВ,
действительный член Географического общества СССР.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Музыкальный инструмент. 8. Персонаж пьесы В. Маяковского. 12. Кратковременное поднятие уровня воды в реке. 11. Горный хребет в Югославии. 15. Генерал, герой Отечественной войны 1812 года. 16. Город в Индии. 17. Приток Тобола 18. Спортивный приз. 19. Произведение И. С. Тургенева 20 Метательный снаряд. 22. Областной город в РСФСР. 23. Полководец, знаток ведения войны. 25. Дорога в лесу. 26. Инструмент. 27. Защита предметов и сооружений от действия воды 30. Группа лесистых гор на Северном Кавказе.

По вертикали:

1 Работник сельского хозяйства. 2. Часть суток. 3. Крупа. 4. Русский историк 6. Русский живописец-портретист. 7 Рассказ о событиях 9 Машина для подъема и перемещения жидкостей. 10. Метод счисления дней 11. Оптический прибор. 13. Часть легиона в древнем Риме. 14. Французский писатель и философ, просветитель. 21. Поручение. 23. Мастер по выделке мехов. 24. Массовое празднество. 28. Сорт конфет. 29. Река в Монгольской Народной Республике и РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

3. Отсек 6. Аспирантура. 9. Манчестер. 11. Бурав. 12. Центр. 14. Калиш. 17. Теорема. 18. Приемка. 19. Доброта. 20. Географ. 21. Норка. 24. Трико. 26. Ствол. 27. «Азовсталь». 28. Компетенция. 29. Динар.

По вертикали:

1. Отсрочка. 2. Теннесси. 4 Сплав. 5. Зубец. 7. Грузооборот. 8. Метаморфоза. 9. Македонка. 10. Решимость. 13 Стадо. 14. Калан. 15. Шпага. 16. Марфа. 22. Освоение. 23. Каттегат. 25. Озимь. 26. Слуцк.

В этом номере на вкладках: семь страниц репродукций картин и рисунков И. Е. Репина и одна страница цветной фотографии.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 04673. Подп. к печ. 21/IX 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 777. Заказ 2412. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Промывка шлиха в геологической партии на Алтае. Промывальщик Габдулла Абдулхаликов и коллектор Александр Миронов.

Фото В. Полынина.

МИНИСТЕРСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ СССР

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ХРУСТАЛЯ И СТЕКЛА ВЫРАБАТЫВАЮТСЯ В РАЗНООБРАЗНОМ АССОРТИМЕНТЕ